

НАТАЛИ ЛАВРУ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

ЖУПОЧКА
СТРЕЛЯЕТ НА
ПОРАЖЕНИЕ

Натали Лавру Жупочка стреляет на поражение

<https://litres.ru/74316358>

SelfPub; 2026

Аннотация

Легко ли любить жизнь, когда ты горбунья, на которую если мужчины и смотрят, то с отвращением или профессиональным интересом?

Да, вам повезло, что вы — не я! Хотя... И на моей улице однажды сломалась телега с удачей, потому что таинственный некто взялся меня лечить, и это вылилось в убойные приключения, которые перевернули мою жизнь.

Из грязи в князи — это про меня. Ну, и хэппиэнд с оравой детишек впридачу!

Внимание! В книге присутствует ненормативная лексика.

Однотомник.

Содержание

Пролог	4
Глава 1. Моя трагедия. Только не смейтесь	13
Глава 1.1	19
Глава 1.2	26
Глава 2. Красавчик у меня дома	30
Глава 2.1	34
Глава 3. Не влюблена	42
Глава 3.1	49
Глава 4. Игра в синонимы	56
Глава 4.1	64
Глава 5. Преображение в женщину	72
Глава 6. Прошное Дена	80
Глава 7. Пауки	88
Глава 7.1	95
Глава 8. Тайна моего появления	102
Глава 9. А это точно лечение?	111
Глава 10. Лингвистическая	119
Глава 10.1	128
Глава 11. Поэтический вечер	133
Глава 12. Гости	141
Конец ознакомительного фрагмента.	146

Жупочка стреляет на поражение

Пролог

К библиотечной стойке подплыл щеголеватого вида молодой человек и, игнорируя мою матушку, стрельнул по мне насмешливым взглядом.

Я вздохнула. Сейчас начнётся «оригинальное» представление, двадцатое за сегодня. Конечно, бедную горбатую библиотекаршу каждый норовит обидеть. Это же так весело!

В этом году первокурсники совсем борзые. Что называется, оторви да брось. И мне порой так и хочется оторвать им кое-что и бросить!

Но самое обидное, что этот вот второкурсник не наигрался в прошлом году. Уже и имя моё выучил и глазёнками своими хлопает, будто ломает комедию на сцене.

Так себе, кстати, комедию. Не смешную. Кривенькую и косую.

– Жупочка, будьте добры «Ректальный метод врачевания» и научный труд «Синдром Кваземодо»(1).

– К сожалению, – напускаю на себя максимально бесстрастный и непринуждённый вид, – все экземпляры сейчас выданы.

– Но вы даже не посмотрели! – изо всех сил старается не заржать этот... хлыщ. – Мне позарез нужны эти книги! Я требую, чтобы вы ещё раз тщательно проверили полки! Иначе буду жаловаться!

Требует он, жаловаться побежит. Ага, как же. Небось, книжонки эти, будь они неладны, даже не откроет. Сдаст завтра, чтобы эту гадкую эстафету принял другой такой же остолоп.

(1) В романе описывается параллельная реальность, где тоже жил некий писатель, двойник Виктора Гюго, написавший «Собор Парижской Богоматери».

Синдром Квазимодо – в данном случае горбатость.

Поджимаю губы и иду в хранилище, а в спину мне летит сдавленный смешок:

– Постарайтесь найти, Жупочка!

Как же им всем нравится произносить моё имя...

Почему я позволяю так обращаться к себе? Да потому что «Жупочка» – это гораздо... ГОРАЗДО приличнее, чем моё полное имя. Как же я мечтаю поменять его и забыть... Ну, и ещё потому, что зубами держусь за эту работу, на которую меня по благу устроила моя маман. А куда ещё возьмут горбатую страшненькую девицу, даже с высшим культурологическим образованием? Никуда. Потому что «образование» у меня на спине всё решает. А в библиотеке Академии цели-

тельства я — ходячий экспонат, носитель какого-то там врождённого магического недуга. Типа я должна была быть магичкой, но вместо этого уродилась обыкновенной горбуньей.

На полках, как я уже сообщила студенту, нужной книги нет, но я всё равно выжидаю время, якобы ищу, а сама делаю дыхательную гимнастику. Доктор прописал для успокоения нервов. Сказал: дышите, и ваша нервная система будет, как у младенца.

Не уверена, в курсе ли доктор, что дети в первые годы своей жизни постоянно орут и испражняются. Но кто я такая, чтобы спорить с доктором?

После глубокомысленного пыхтения в застенках библиотечного архива возвращаюсь к студенту с пустыми руками.

Хочется дурашливо по-синтайски скосить глаза, присесть коленями в стороны, развести руками и сказать: «Нисиво нетю. Убидились?»

Но одёргиваю себя, вспоминая, что я же после дыхательной гимнастики и спокойна, как дохлая лошадь.

— Как же так? — изображая праведный гнев, округляет глаза студент. — Мне позарез нужны эти книги! Может, мне лично пойти проверить?

— Все экземпляры выданы в читальный зал, — в доску вежливо сообщаю. — Может быть, вас интересует ещё какая-нибудь книга?

— Нет! Мне нужны эти!

— Вы можете составить компанию другому ценителю рек-

тальных методов... – вырвалось у меня. Ибо шуточки, касающиеся моего имени, до-ста-ли!

За дверью в наш библиотечный зал кто-то заливисто заржал. Стоящего передо мной студентика тоже сложило пополам в приступе гомерического (жаль, не геморрагического) смеха, и он, держась за живот, ретировался.

И это будущие светила нашей медицины!

Только из виду скрылся предыдущий шутник-оригинал, как возле стойки возник новый и удивлённо поморгал, уставившись на мой бейджик с именем.

– Здравствуйте. Будьте добры рек... – таким-то мелодичным бархатным голосом, и гадости мне говорить! У-у-у!

Я закатила глаза.

– Вам плохо? – прозвучало не насмешливо, а как-то... я даже испытала что-то сродни стыду.

– Жупочка у нас трудится, как пчёлка, – вступилась за меня маменька, которую студентики не замечали, будто она для порядка тут сидит. – Начало года... У нас всегда так: ни присесть, ни поесть.

– Я гость в вашем государстве. Знаком не со всеми нормами поведения, – без единой, замечу, смешинки поведал нам этот картиночного вида молодой человек. Либо он актёр от бога, либо действительно из другого общества.

А красивы-ы-ый... Картинка! Мне б этого мужика. Для контраста. Ха-ха! М-мда... Извините, замечталась.

Но я всё равно не поверила в его серьёзность, и нелёгкая

дёрнула меня ляпнуть:

– Классика жанра: обычно принцев и принцесс засылают в академию под иностранными именами. Якобы они гости государства и бла-бла-бла...

Ну, а что? Да, сдержанностью я никогда не страдала. Явился тут такой раскрасавец, только короны на голове не хватает. По-любому будущий шишка.

И вот он стоит, молчит, моргает, смотрит на меня как-то, ну, очень странно: то ли собирается убить за рассекречивание государственной тайны, то ли завербовать к себе в спецслужбу. Скорей всего, первое, потому что кому я такая горбатая жируха с титьками на пузе нужна?

А красавчик-то застыл.

Неужели я угадала?

– Будьте добры рекомендуемые для лекарского факультета пособия, – наконец, отмер он и протянул мне список.

Ладно хоть не ректально-фекальные книженции запросил. Фух! Будет теперь моим любимчиком. На такого только смотреть и любоваться. А ещё можно мечтать!

Ну а что? Должна же я хоть от чего-то получать эстетическое удовольствие. Так, например, у меня в туалете на двери висит плакат с Аполло, нашим всемирно известным силачом, который к тому же редкостный красавчик. Бывает, восседаю на фаянсовом круге и мечтаю... Бывает, даже кажется, что Аполло мне подмигивает, и я тоже начинаю игриво и загадочно подёргивать бровками ему в ответ.

Упс... кажется я отвлеклась и мысленно переместилась к своему туалетному красавчику. То-то этот новенький сердцеед стоит и как-то странно поглядывает на меня. Наверняка еле держится, чтобы не сбежать от меня.

Тэк-с, раз не убегает, значит, чего-то хочет от меня. На чём мы остановились? А...

– Учебники по основной программе вам уже выдали? – осведомилась у него.

– Да. Учебники я уже получил.

Из хранилища я вернулась вся взмокшая от пота, с высокой стопкой книг в руках, подпирая её сверху подбородком, чтобы не развалилась по дороге.

– Вам повезло, – пыхтя, сказала я. – Вы первый, кто пришёл за прикладной литературой. Все книги в наличии.

– Благодарю, – и он принялся расписываться в формулярах.

Такой весь учтивый, красивый, но без излишеств.

А, нет, рано обрадовалась. В дверях библиотеки возникло это самое излишество, похожее на ядовитую паучиху. Ноги от ушей, руки-плети, талия, как у осы, глазищи, как у вампириши, белокурые прямые пряди до задницы отливают холодным блеском в свете ярких библиотечных ламп. Ну, точно паучиха.

Она подошла, ласково провела ладошкой по спине красавчика, мазнула по мне взглядом и брезгливо скривила прелестное личико, затем ещё раз оценивающе посмотрела на

меня, остановила внимание на моём бейджике и фыркнула.

Ага, эта точно моей любимицей не станет.

– Ден, ещё только первый день, а ты уже с ног до головы в учёбе, – прогундосила она.

– Я за этим сюда и приехал, Лизбет, – не отрываясь от заполнения формуляров, ответил красавчик, которого паучиха назвала Деном.

Девике не понравилось, что на её ультраважную персону не обратили должного внимания, поэтому она перекинулась на меня.

– А, это вы ты самая библиотекарша с кошмарным именем? – паучиха глядела дерзко, насмешливо.

– Вам тоже нужны книги? – не выказала я раздражения. Ибо я – профессионал своего дела, и вообще: придирааться к имени – это низко.

– Мне? – она скривила губки. – Нет. Я и без книг всё схватываю на лету, – и причмокнула, как бы показывая, как она этими самыми губками хватает что-то там на лету.

Я сделала вид, что забыла о существовании паучихи.

– Ваше имя, пожалуйста. Под которым вы поступили в академию, – спросила я у Дена.

– Дэон Джонс, – представился он.

Джонс... Значит, права я была насчёт ненастоящего имени. Почему? Ну, вот вы как хотите, а иностранец с фамилией Джонс – это как девчонка на мальчишнике, то бишь белая ворона.

Джонс – одна из самых распространённых заокеанских фамилий. Уж я, культуролог, в курсе, что Джонсы – холопы, работяжки из низшего сословия. И вот вопрос на засыпку: каким ветром в нашу академию занесло бедняка? Откуда у него безупречные манеры и – омагад-омагад! – такая внешность?

Волосы у нашего Джонса – такой же платиновый блонд, как у паучихи. И вообще они даже слегка похожи, но что-то подсказывает, что они не брат с сестрой. Это она косит под него. Ну, натуральная косинога.

Тем временем наш ненастоящий иностранец закончил заполнять формуляры образцово каллиграфическим почерком, окинул меня цепким взглядом, чуть дольше зацепившись за мой, увы, огромный горб, затем магией подхватил стопку книг и удалился. Косинога, естественно, выперлась следом.

Ух!

Не была бы я уродиной, решила бы, что Ден (а может, и не Ден вовсе) заинтересовался мной. Да я как бы только за. Горбатые упитанные девицы тоже хотят взаимной любви.

Но и любоваться парнем со стороны – тоже сойдёт.

Да что ж такое? Блондинчик так очаровал меня, что аж руки вспотели и трясутся. Пойду, пожалуй, перекурю.

В горбатости есть и свои прелести. Например, люди меня боятся, сторонятся и не пристают по пустякам. И кто бы мог подумать, что подобное избегание сыграет мне только на ру-

ку в моём слегка незаконном увлечении.

И не надо на меня так смотреть.

Ну, смакую я муравушку. Сама выращиваю, между прочим.

Для себя и парочки (сотен) клиентов.

Ибо должна же мне быть какая-то компенсация за то, как меня обидела жизнь. А с муравушкой, как ни крути, дышится веселее.

Глава 1. Моя трагедия.

Только не смейтесь

Матушка моя, дай боже благословения этой героической женщине, вырастила меня сама, не отказалась от меня в родильной палате, несмотря на моё врождённое уродство.

Повитуха сказала, что в утробе я проглотила своего близнеца и теперь он, слившись со мной, паразитирует у меня в теле. И извлечь его оттуда – никак.

Так я и росла с чувством, что убила свою близняшку. Даже мысленно разговаривала с ней, и сама же за неё отвечала. А с кем мне ещё было общаться?

Друзей у меня не было, кроме сына маминой подруги, с которым мы родились в один день (собственно, так маман с тётей Галей и подружились). Да и то Аристарх на людях сторонился меня и обзывал бабкой Ёжкой, а позже стёб надо мной стал источником его поэтического вдохновения.

Старенький папа, купец Кириакии Шишин, умер, когда мне исполнилось полтора года. Ему было восемьдесят четыре, что для человека, не наделённого магией, – дряхлая старость. Уж не знаю, как у них с маменькой, которая годилась ему во внучки, получилась я. Меня терзают смутные сомнения, что я вовсе не Кириакиевна, и маман моя что-то скрывает.

Впрочем, купец Шишин благородно женился на беременной маме и оставил нам в наследство дом с участком да ежемесячную ренту в десять злотней. Так что жили мы скромно, но не голодали.

Мама растила меня в заботе и не забыла намертво втолковать мне, что любую медяшку в этой жизни нужно выцарапывать, ибо благо просто так за красивые глазки в руки не падает. А учитывая, что этих самых красивых глазок у меня нет, то о принцах, феях и единорогах и думать нечего.

Я от души благодарна мамуле, что не бросила меня, крикую и косую, но вот уж чего не могу понять, за что она нарекла меня Жупердильей? Даже будь я раскрасавицей, за одно только имя тебя автоматически записывают в изгой.

– Редкое имя – залог интересной судьбы, – изрекла маман. – Любить надо своё имя и прославлять его. Оно тебе дано не просто так, а в честь императрицы Жупердильи Креонской, поставившей на колени полмира и разбившей сердца многих мужчин, несмотря на то что уродилась рябой и хромой.

Маман-библиотекарь – горе в семье.

– А ничего, что это легенды из курса по мифологии? – уточнила я. Ибо в сто десятый раз слышала эту историю и успела изучить вопрос.

– Легенды складываются на основе реальных событий, – маман с укором глянула на меня. – Ах, ничего-то ты не понимаешь, глупая ещё...

Да что тут не понять? Маман когда-то мечтала видеть

свою дочурку, пусть даже горбатую, в образе императрицы. Шальной, ага. Другая из меня не получится. Вот только я дочь купца, ну, или заезжего молодца. Голубых кровей во мне – аки честных людей в Обменном переулке(1).

(1) Обменный переулок – место, где заключаются незаконные сделки.

Когда мне стукнуло восемнадцать, маман, кажись, начала понимать, что сказочка моей жизни что-то не складывается, императрицей я не становлюсь, а только жирнею не по дням, а по часам.

И решила, что дело чести – выдать меня замуж!

Что самое странное, благородный (по духу и происхождению) джентльмен нашёлся! Ну, а то, что он старше маменьки на четырнадцать лет – не страшно. Не страшнее моего горба.

Звали моего будущего супруга граф Фердунский и стукнуло ему на момент нашей свадьбы шестьдесят два года. Одинокый волк, который вдруг осознал, что не хочет помирать в одиночестве. А так как вокруг его талии впору совершать кругосветное путешествие, да и финансы насвистывали из тощего кошелька, невест, желающих скрасить одиночество пожилого джентльмена, не нашлось ни одной.

Кроме меня.

Точнее, это маменька за меня всё решила и породнилась с графом Фердунским за моей спиной.

А я что? – поревела-поревела, да и сдалась матушкиной воле. Мне было восемнадцать, всю жизнь маман тащила меня, горбатую, на себе, холила, учила, готовила к жизни. А вот помрёт она, и куда мне податься без нормального образования и без внешности? Быть замужем всяко лучше, чем стоять с протянутой ладошкой на паперти да загнивать в трущобах.

К слову, если поставить нас с графом рядышком, ещё можно поспорить, кто кого краше. Я-то ладно: с горбом, серыми мышинными куцыми волосёнками и сочной грудью, болтающейся в области пупка.

А граф... Канапе с паштетом он явно любил больше, чем женщин. Впервые завидев разряженную в пышное платье меня, он торопливо отправил в рот аж три такие канапешки и нервно их зажевал. Как будто с моим появлением в его жизни канапе ему больше не достанется!

Первый шок от моего внешнего вида у него быстро прошёл, и граф, дожевав лакомство, милейше улыбнулся мне.

– Премного рад знакомству! Ваша матушка мне много о вас рассказывала. Я под впечатлением.

Оу, ё... Что маман ему там про меня напела?

Видимо, волнение алым пятном разлилось по моему лицу и шее, поэтому жених поспешил меня успокоить:

– Милочка, меня совершенно не смущает, что вы Жупер-дилья. Я и сам, так сказать, Акакий...

А, ну, это в корне всё меняет! Кроме одного: как мы будем делить постель?

Боги, в которых я, признаться, не очень-то верю, смилостивились и решили мою насущную проблему на свой лад.

Маман, которая больше всех переживала, не сорвётся ли сделка, настояла на скорейшем проведении свадьбы. Так что через три недели после знакомства я из девицы Шишин превратилась в графиню Фердунскую.

За время, пока мы с Акакием Фридриховичем женихались, он успел разлюбить канapé с паштетом... и влюбиться в мои пирожки с мясом! А я оценила удобство его просторной кухни и печки.

Мои физические недостатки померкли перед умением вкусно готовить. Граф Фердунский звал меня в гости и под горячие пирожки рассказывал мне байки из своей молодости. Надо отметить, рассказчик из него вышел замечательный, однако, увы, себя в постели с ним я по-прежнему не представляла. Более того! Готова была закормить будущего мужа пирожками, лишь бы он не помышлял об интиме!

Я, кажется, говорила, что боги смилостивились надо мной?

В первую брачную ночь Акакий не воспрял ни духом, ни тем, что более материально. Видать, вся кровь прилила к желудку. Я не преувеличиваю! Желудок у Акакия был, наверное, с два больших ведра. Бездонный!

Раздевшись в полутьме, мой новоиспечённый муж долго шарил рукой под пузом, но так ничего и не нашарил. Затем решил, видимо, что вид голой женщины должен его возбу-

дить, и слой за слоем снял с меня и без того криво сидящее платье.

Как только мои панталончики упали на пол, Акакий рухнул туда же с оглушительным неназываемым звуком.

– Эй? Акакий? Вы чего это?

– К-х-х... – прохрипел он и закатил глаза.

Ой-ёй... Дело запахло дрянью...

Неужели ему стало плохо от вида голой меня? Я, что, настолько ужасна?

Судорожно напялив на себя панталоны и сорочку, я, побоявшись огласки и кривотолков, принялась одевать Акакия. А это, скажу я вам, даже тяжелоатлету вряд ли по силам.

Влажные от повышенного потоотделения необъятных размеров штаны моего супруга, как живые, сопротивлялись надеванию. А тем временем Акакий хрипел как-то уж совсем умирающе.

«Пофиг, брось, – нашёптывало моё альтер-эго. – Вот ещё, будешь тут его дохлую колбаску прикрывать. Там и без того ничего не видать. Беги давай за врачом, чтобы засвидетельствовал, что ты не виновата в смерти супруга».

Что? Смерти? Нет-нет-нет! Я не желаю Акакию кончины! Он же так любит мои пирожки с мясом! Да и в целом дядька безобидный.

В конце концов я плюнула на штаны, прикрыла бегемотову тушу пледом с брачного ложа и босиком побежала звать на помощь.

Глава 1.1

Лекарь диагностировал у Акакия внутренний удар в голову. По-научному кровоизлияние в мозг или инсульт.

Моей вины в этом всём, конечно же, нет. Просто сошлось одно к одному. В первую брачную ночь.

Акакия Фридриховича оставили дома, а мне велели ухаживать за ним, меняя ему подстилки, делая противополежные массажи и кормя с ложечки.

С первого же дня в моей супружеской жизни начался кошмар.

Мой супруг, стоило ему прийти в себя, взывал от боли смертельно раненым бегемотом. Протяжно так, утробно, то понижая, то повышая тон.

А я... Я впервые столкнулась с лежащим больным. Ещё, как назло, маман пропадала на работе и не могла выступить в качестве моральной поддержки.

Даже парочка слуг, и те виртуозно ныкались от меня по чуланам, не желая разделять со мной тяжкий крест. В их глазах мы с Акакием наверняка выглядели актёрами из цирка уродцев: толстяк и горбунья. Ну, чем не сладкая парочка? Нечего докучать нам в самый разгар медового месяца, даром, что постельные игры у нас совсем не те.

Я, восемнадцатилетняя маня, делала всё сама. А что не делалось... то не делала!

Вот, можете меня сколько угодно осуждать, но отнести двести килограммов в ванную на помывку – выше моих сил. И выше сил четверых санитаров, которых я, измучившись, вызвала.

Супружеская жизнь продлилась семь дней, если не считать дня свадьбы. Именно за столько, если верить учению Бога Говы, он создал наш мир. Символический срок. Неужели чтобы я, наконец, уверовала в божий промысел?

Что ж, хотя я обычно не соблюдаю посты, но тут вынужденно говела, потому что выпечкой заниматься было некогда. Мы питались лишь кашей да жидким супчиком.

Стоило мне отойти от супружеского ложа, Акакий сотрясал спальню загробными воплями с подвыванием и утробным рыком, словно из него изгоняют дьявола и прижигают ему пятки раскалённым железом: "Жупердилья-а-а! Жупа-а-а! А-а-а!"

Кажется, я ещё сильнее возненавидела своё и без того худшее на свете имя. Эти вопли до сих пор слышатся мне во снах.

Спали мы с открытыми окнами, чтобы вся округа слышала, какие страсти у нас кипят по ночам. А если серьёзно, то в спальне буквально было нечем дышать. От умирающего разило миазмами.

Чтобы не свихнуться, я представляла, что ухаживаю за большим пупсом, и от извращений моей, безусловно, богатой фантазии становилось легче.

«Раз ложечку каши в беззубый ротик, два ложечку и вытираем слюнявчиком. Вот и молодец, вот и хороший мальчик!» – проговаривала я.

Познать, что такое опираться на сильное мужское плечо, мне так и не довелось, но разве в восемнадцать лет об этом думается?

Когда Акакий скончался, я лично разобрала и сожгла кровать, на которой он провёл последние дни, и приобрела взамен другую, тоже широкую и полную надежд, что хоть ей повезёт задорно поскрипеть ночами.

А что? Я девица молодая, темпераментная. Почему бы и да?

Дом от Акакия мне достался небольшой, но добротный.

После похорон я выгнала взашей ленивых слуг и принялась следить за хозяйством сама. И в один прекрасный день нашла в кладовке у покойного мужа пакетик с семенами муравушки.

Если бог есть, то он велел мне выращивать мураву!

Благо, в саду у Акакия много укромных уголков. Можно и свёклу выращивать, и сливы на наливочку, и зелень для души. Не верится, что всё это наследство – моё!

Подозреваю, что Гова всё же существует. Это не точно, но вполне возможно. Ибо как так вышло, что дом моего покойного супруга идеален для меня и моих тайных желаний?

Даже подвал будто бы создан для зимнего выращивания

в нём муравушки и последующей обработки. Даже лампы, вытяжка и сушилка есть. Совпадение? – не думаю.

Естественно, в маменькин дом я не вернулась и превратилась в сильную и независимую хозяйку своего мирка.

С тех пор как я изготовила первую партию своего личного смака, жизнь пошла на лад: меня приняли в Институт культуры и языков (сокращённо ИКиЯ).

Я попала на факультет культурологии (спасибо маман, благодаря которой я разве что не наизусть знала все профильные издания, историю и фольклор), а мой друг Аристарх, мечтавший о карьере всеми признанного поэтического гения, угодил в трясину факультета лингвистики. Был пацан с прибабахом, а после ИКиЯ стал шибзиком. Без обид, это я люблю.

Вот уж кто обрадовался моему внезапному вдовству, так это Аристарх, ярый поклонник моих булочек.

Это совсем не то, о чём вы подумали! Я про пирожки!

В любом противозаконном деле человеку нужен подельник, единомышленник или вдохновитель. А так как мне не из кого было выбирать, я решила завербовать Аристарха Душнявского.

Друг в последнее время зачастил ко мне в гости. Он, конечно, чудик в своём извечном коричневом костюме-тройке в мелкую чёрную клеточку, но от безобидного способа расширить сознание точно не откажется. Во всяком случае, вы-

пить он не дурак.

– Жупа, спасай! – ворвался ко мне в дом друг.

Тогда мы оба учились на втором курсе, но общие пары у нас ставили не так уж часто, поэтому задушевные беседы переносились ко мне домой.

– Может, лучше ты меня? Прославишься, заработаешь ку-чу денег и наймёшь мне лучшего в Ройссе¹ пластического хирурга, – в шутку предложила ему.

– Я не смогу тебя спасти, если умру от голода, – и развёл руками, в которых не принёс даже самых банальных сушек, ванильных сухарей или крекера «рыбка». Жлоб!

– Что с тобой делать, – уже привычно вздохнула я и прошествовала на кухню. – А не боишься, что тебе припишут роман со мной? Сплетни поползут...

– Я бунтарь по жизни, – заявил Аристарх. Надо же, раньше он трясся, что кто-то прознает о нашем знакомстве.

– Ага, – фыркнула я. – И булочку утреннюю ты ешь по вечерам!

– Ну, да, – кивнул. Про булочку он сам хвастался мне. – А ещё я написал матерное стихотворение.

– Да-а-а?

А вот это уже интересно...

– Но я тебе его не прочту, – заявил манерно и оправил свою и без того прямо сидящую жилетку.

– А я тебе супа не налью! – пригрозила, чтоб не наглел. –

¹ Ройсс – государство, в котором живёт Жупочка.

Он у меня сегодня кремовый, с шампиньонами.

– Ладно-ладно, прочту позже! Стихотворение ещё сырое, я его не закончил.

– Давай как есть. Покажи, какой ты бунтарь.

– Ну... Я предупреждал!

Я проснусь для жизни новой

Беспросветной и херовой.

Местным фриком прослыву я

И прославлюсь как изгой.

Жить с душевною дырой!

Вы попробовать хотите?

Эту шкуру поносите!

И тогда я стану свой.

Что это за словесное извращение? По-моему, кое-кто и без дурмана достаточно косой.

– Как тебе? – задали мне вопрос, на который очень сложно ответить честно.

– Прямо крик души, – натянула я улыбку и отвернулась к столешнице, чтобы налить горе-поэту обещанного крем-супа.

Гова! Как же мне хочется посмаковать муравы...

– Ты чего это такая загадочная? – пристально взгляделся в меня Аристарх.

– Да ничего.

– Врёшь. А ну выкладывай!

– Клянёшься молчать?

– Обижаешь! Слово лингвиста!

– Хочешь муравушки посмаковать?

Судя по алчному огоньку в глазах Аристарха, бунтарская натура в нём всё-таки присутствует.

– Жупочка, а давай, сделаем мне новое амплуа? Обещаю, когда прославлюсь и разбогатею, оплачу тебе хирурга! – после пятой скрутки заявил друг.

– А давай! – радостно поддержала я его.

– Значит, план таков! Ты в меня безответно влюблена! Об этом завтра же должен узнать весь университет. Даже не так: весь город!

Глава 1.2

Не следовало мне соглашаться. Проблемами и позором это дело пахивало с самого начала. Но чего только не сделаешь ради призрачной надежды выпрямить спину. Мне было восемнадцать. В этом возрасте ещё верят в сказки.

В тот вечер две одурманенные головы додумались до ещё одной «гениальной» идеи.

– Нам нужно создать творческую группировку, – Аристарх изрёк очередную мысль и добавил: – Секретную!

– Что же мы будем делать?

– Писать обличительные стихи! Между прочим, у тебя, Жупочка, талант привлекать к себе внимание. И мне твои способности понадобятся для создания мирового господства!

Звучит, конечно, громко, но я-то знаю, что панталоны Аристарху шьёт матушка из старого постельного белья, которое зачастую розовое или в пёстрый цветочек.

«Сато мяххкое!» – возразила бы Галина Прокопьевна, у которой слов на языке много, но выговаривает она их так, словно наспех выучила роисский язык, отсюда и «фефект» речи.

Маме Аристарха не объяснишь, что мягкость – это единственное достоинство такого белья. Эта дама даже на носки ставит заплаты, пока они не превратятся в лоскутное нечто.

Вернёмся к трусам. Плохое исподнее – залог неуверенности в себе, а неуверенность – это заведомо провал.

Для того, чтобы стать сильным и независимым, Аристарху сперва нужно научиться самому шить труселя (шучу) или заработать на шопинг. Иначе пиши пропало.

Только как потактичнее указать ему на этот факт? Обидится ещё. На пирожки ко мне захаживать перестанет.

И я ответила обманчиво одобрителное:

– Как назовём наше детище?

– Вот для этого мы и устроим мозговой штурм! Нужно что-то эпатажное, такое триггеряще-болезненное и одновременно сексуальное.

К слову, Аристарх ещё более невинный, чем я. В пять лет он увидел свою маман голой в ванне, и это оставило неизгладимый отпечаток на его психике.

Ничем особенным тётя Галя не выделялась: три спасательных круга естественного происхождения в области талии, внушительная грудь, массивный квадратный тыл и крупные натруженные руки. Но Аристарху хватило, чтобы испугаться.

И в тот день, под смаком, мой друг впервые заговорил про секс.

– «Прилюдное насилие»? – предложила я, и мы оба по-идиотски заржали.

– «Насилие» мне нравится, но звучит как-то общо, – вынес свой вердикт друг.

– Тогда придумай сам!

– «Изнасилованные мозги», – торжественно выдал он.

– Фу! Ты хоть можешь это представить? Некрофилией пахивает.

Так появилась никому не известная группировка непризнанных гениев «Изнасилованные куклы». (Честно, я в душе была против такого названия, по мне так лучше что-то типа «Истребители крупных жучков»», «Лига разрушения унылых фекалий» или «Говята – дети Говы», но в тот вечер нас несло и заносило.)

Мы даже бегло составили план действий на полях новостной газеты. Первое: написать чёрной краской на лицевой стене вуза: «Горбунья любит Аристарха!» Второе: злободневные памфлеты о жизни и выдающихся людях нашего ИКиЯ. Третье... по ситуации.

А ситуация была такова, что мы оба начали засыпать прямо за столом.

Однако я буду не я, если не уберу со стола и оставлю грязную посуду в мойке. Спасибо маман за науку и любовь к чистоте и порядку.

Зато мой друг, приборзев, неверной походкой двинулся к выходу.

– Чего посуду за собой в мойку не уносишь? Старикашечка – из попы какашечка, – да, во мне порой просыпается поэт-графоман.

– Э! Я вообще-то твой гость!

– Гость – в горле кость! – заворчала на него. – Имей совесть! Я тебя накормила, я тебя наку... (Так, об этом не будем.) Ты, что, меня совсем не уважаешь?

– Да чего ты завелась-то?

– Тарелку. За собой. Убрал!

– Психичка! – огрызнулся Аристарх, брякнул тарелкой и, не попрощавшись, смылся.

А наутро, когда я подходила к институту, совершенно забыв о наших вчерашних пьяных разговорчиках, моему взору открылась кривая надпись на стене под окнами первого этажа: «Горбунья любит Аристарха!»

Чтоб я, да ещё хоть раз дала этому недоумку мураву!

Глава 2. Красавчик у меня дома

Наши дни

Маман в обеденный перерыв купила мне в подарок сковороду – высокую, добротную, чугунную. Поначалу я возмутилась, что мне придётся тащить домой лишний груз, но смирилась. От такой основательной посуды ни одна хозяйка в здравом уме не откажется.

Гова, я всё больше начинаю в тебя верить. Если ты есть, то ты приколист. Развлекаешься, глядя на нас сверху.

Именно сковороде и именно сегодня предстояло стать главной героиней всего последующего безобразия.

Вечером, по дороге домой, в тёмном закоулке академских корпусов меня подкараулил некто в чёрном капюшоне.

– Жупердилья? – хрипловато и одновременно мелодично прозвучало у меня за спиной.

Жуть, в общем. Такой обманчиво ласковый голосок, как у маньяка-извращенца. Ибо только извращенец выберет своей жертвой известную на весь город горбунью.

Знаете, как ржут лошади? Так вот, от ужаса я невольно и довольно-таки точно воспроизвела этот звук, да ещё подпрыгнула на месте аки шлёпнутая по крупу кобылка.

– И-и-о-о! – разнеслось по окрестностям.

Божечки... Будь я маньяком, уже окирпичилась бы.

А этот... не знаю, вроде даже не убежал. В темноте я упу-

стила его из виду, но слышала шорох шагов.

Крепкий орешек, видать. Тёртый калач.

В моей котомке с давно истёршейся держалкой нещадно оттягивала руку подаренная мамой чугунная сковорода.

А тут как раз маньяк приблизился совсем непозволительно.

– Жу... – прозвучало в метре от меня.

«Ну, бог, я почти верю, что ты есть...» – подумала я и с разворота припечатала гада.

Аж залюбовалась своей прытью.

Голова маньяка и сковорода в моих руках зазвенели от удара. Пошла вибрация, как звон хрусталя.

Хоба! Да я прирождённый боец!

– А-ай... – согнулся пополам маньяк. И вдруг я услышала жалобное: – Зачем же бить-то? Это же я... – он начал разгибаться, но в тусклом отсвете далёкого фонаря вместо лица я различила только волосы, закрывающие лицо.

«Да ну его на фиг! Не знаем мы таких», – подумала я и замахнулась теперь уже сверху.

Хрясь! – и тушка в балахоне бухнулась на брусчатку.

Мешочек с костями лежал на холодной мостовой безобидно и даже как-то жалобно. Можно подумать, и не маньяк вообще.

А вдруг я убила его?

Любопытство – это моя вторая натура. Аккуратно, носком туфли приподняла оттопыренный край капюшона маньяка,

а там...

Упс. Кажись, меня казнят за убийство родовитого гостя нашего государства. Или принца, если этот Джонс на самом деле не Джонс. Омагад!

А ведь я ещё так молода... Да, горбата, но жить-то всё равно хочется. Как говорится, пятая точка отчаянно верит в чудеса.

– Етишкина ты жисть! – невольно вырвалось у меня.

Я уже говорила, что моя жизнь – это драма с элементами комедии? Забудьте. Моя жизнь – трагедия. Ломаная, ага.

Если любопытство – это моя вторая натура, то жалостливость – третья.

Я взвалила увесистого чувачка в прямом смысле себе на горб и потащила. Тот еле-еле подёргивал ногами, несколько не помогая этим мне тащить ношу.

А до дома двадцать минут ходьбы обычным шагом.

Вот же ж... засада.

Хорошо хоть улицы полупустые. Хотя нет, вон там впереди по дорожке топают компания вчерашних студентов. Рожи больно знакомые.

А свернуть некуда. Справа закрытый торговый ряд, а слева дорога и проезжающие время от времени ландо.

– Стой! Стой! – отчаянно замахала я относительно свободной рукой. Относительно – потому что в руке была сумка с роковой сковородой.

Ландо довезло нас до калитки моего дома, а я распроща-

лась с серебрушкой, которая должна была стать моим воскресным десертом в кафе. А чем ещё юродивой одинокой барышне баловать себя? Красоты у меня нет, чтобы о ней заботиться – всё равно все смотрят только на мою кривую спину.

Сбилась с мысли...

Ах, да. Пока ехали, я нещадно лупила прелестную холёную мордашку блондина. Увы, все мои попытки привести студента в сознание провалились.

Притащила я белобрысика домой, подумала-подумала... и уложила его в свою кровать. Мало ли помирать начнёт, а я не услышу? Или попить попросит. Или компресс.

В общем, страшновато его одного оставлять.

Кровать у меня широкая, двуспальная, настоящее супружеское ложе, до сих пор не использованное по назначению. Так что поместимся.

А уж завтра... Завтра я ему объясню, что приняла его за маньяка, и спрошу, зачем он караулил меня во тьме. Ведь, нет сомнений, он ждал меня!

Глава 2.1

Иногда я позволяю себе совсем уж неприличные грёзы, будто бы у меня не ноль мужиков, и даже не один, а целых два: платиновый блондин и жгучий брюнет! И я, такая красавица-раскрасавица, ни капельки не кривая, а очень даже сексуальная, купаюсь в их внимании, подставляю гибкую спинку под массажик и щекотные поцелуи.

Мечтать я умею, да. Детализированно и смело. Почему бы и да?

А сегодня мечта начала сбываться! Ну, почти.

Белые локоны Дена Джонса разметались по моей подушке. И даже внушительный синий шишак на лбу не портил его благородной красоты и стати.

Стрелять-колотить, он даже подыхает красиво! (Шучу, надеюсь, что нет.)

Я даже осмелилась снять с него ботинки и плащ, а после приложила к шишкам на лбу и макушке лёд.

Хоба на! А одежда на нём не с массового производства, из премиальной ткани. Вещички без излишеств, но сдержанно-идеальные, как и их хозяин. Наш мальчик совсем не прост.

Ангел! Разве что без крыльев. И как меня угораздило дважды приложить его сковородой?

«Надо будет задобрить его чем-нибудь... вкусеньким!» –

сообразила я и кабанчиком метнулась на кухню – месить тесто на пироги. Завтра очень удачно суббота и на работу не надо. Самое то, чтобы напечь моих коронных кулебяк с мясом!

По-хорошему надо было вызвать неотложку, но Ден дышал ровно, а мне, вот, прям, никак не хотелось в тюрьму. Я надеялась, что пирожки спасут меня.

Проснулся мой незадачливый преследователь в четыре утра. Радует, что не восстал мертвецом, а с тихим стоном схватился обеими руками за голову.

Зато я подскочила, будто кровать превратилась в раскалённую сковороду, ту самую, судьбоносную.

– Где я? – спросил шёпотом.

– У... У меня, – отозвалась. – Я библиотекарь. Вы меня вчера подкараулили в переулке. П-простите, я не знала, что это вы. Думала, маньяк.

– Ох... – вздохнул. Наверное, удивился, какая же я идиотка.

– Простите ещё раз. Как вы себя чувствуете?

– Дайте мне полчаса тишины и покоя. Я исцелю себя и буду в норме.

– Исцелите?

– Я маг.

– Ясно. Я выйду. Вернусь через полчаса, – надо показать себя понятливой. Как раз налеплю пирожков.

Божечки, какой он... сексуальный! Интересно, кем ему

приходится длинноногая паучиха?

М-да. Ревновать чужого мужика – это истинно наше, бабье.

Ничего, голь на выдумку хитра! Раз мы не можем взять мужика красотой, то завлечём едой. Ведь красота эфемерна: сегодня есть, а завтра угасла. Другое дело кулинарный талант: с возрастом он только совершенствуется. Мне всего двадцать три, а значит, звание «богиня кулинарии» у меня ещё впереди.

К моменту, когда из печки уже умопомрачительно пахло выпечкой, на кухню спустился Ден.

– Вы выглядите посвежевшим! – отметила я, стараясь, чтобы наш грядущий разговор прошёл в мирном русле.

– Я в норме, – он... мне улыбнулся! О-о-о, Гова! Раньше я и мечтать не могла о таком! – Однако, признаюсь, что вы весьма воинственная особа.

– Жизнь закалила, – я достала из шкафа две сервизные чашки для особых случаев и разлила нам лучший чай, имеющийся в моих закромах. – Так для чего вы меня вчера ждали?

– Хотел предложить вам взаимовыгодную сделку.

– В чём суть? – я замерла, не донеся чашку до рта.

Да какой там чай! Чую, с этого момента моя жизнь сменит русло. Как после окажется, я даже не подозревала, насколько права.

– Предлагаю вам стать моим дипломным проектом: я ис-

целяю вас, а вы предоставляете мне своё тело для изучения вашего недуга и его устранения.

Это же... Это же то, на что мне так и не заработал Аристарх! Моя мечта!

О-о-о! Это даже круче, чем два мужика! (Хотя о блондине с брюнетом я продолжу мечтать на досуге.)

Спокойно, Жупа. Спокойно... Не надо кричать: «Да-а-а!» – иначе можно спугнуть мужика.

Поэтому я, ну, о-о-очень сдержанно спросила:

– Какие риски?

Я умница!

– В худшем случае я перестану вас лечить и возьмусь за другой проект, а вы просто продолжите жить дальше.

– Н-не надо жить дальше! – ну, вот, вырвалось. – В смысле, я согласна стать вашим подопытным... подопытной.

– Вот и славно. Процесс будет долгий, потому что магический недуг крайне опасно лечить, и ни один хирург не возьмётся за него. Но у меня революционный комбинированный авторский метод. Он максимально безопасный, хотя, признаю, несколько болезненный.

– Правильно я понимаю, что один из моих родителей был магом? – этот вопрос мучает меня с тех пор, как я узнала, что мой недуг магический. Откуда я ещё могла унаследовать магию?

– Да. Полагаю, что отец, потому что у вашей матушки нет магического потенциала.

Холодок пробежался по моей спине. Сама не знаю, почему. Я давно подозревала, что Кириак Шишин непричастен к моему появлению. И чего мне тогда цепенеть?

Расспрошу маменьку обо всём позже.

– Это как-то отразится на моей работе? – да, я сама рас-
судительность, и вопросы умею задавать умные.

– Подготовка к лечению займёт время. До нового года я буду перепроверять свою методику, обсуждать её с медицинской комиссией, а после начнём лечение. Активная фаза, заключительный этап, запланирован на лето.

– А вы уверены в своём методе? Вы совсем молодой. Сколько вам? Двадцать?

– Вы угадали. Мне двадцать, – кивнул он. – Возраст не помеха. У меня были лучшие учителя, поэтому в методе я уверен. Понимаю ваше беспокойство и уверяю, что вы не пострадаете. Что скажете?

Надо же, он разговаривает со мной не как с уродиной. Даже не кривится. Настоящий джентльмен.

Ах, шоб мне такого мужика!

– Летом у меня как раз отпуск. Что ж, я согласна.

Мысленно я уже перенеслась в прекрасное далёко, где меня ласкают блондин с брюнетом. Полагаю, это моё неуёмное альтер эго шалит.

– Я рад. А теперь мне пора, – и в подтверждение своих слов Ден поднялся.

– Пойдите! Никуда не пущу вас, пока не попробуете пи-

пирожков с мясом и с грибами!

– Будет не слишком приятно, если меня потеряют и объявят в розыск.

– Но... Ещё ведь даже не рассвело! И пирожки на подходе... – что я несу? – Простите, мне так неловко за вчерашнее. Позвольте отблагодарить вас хотя бы завтраком? Прошу...

– Хорошо, – Ден снова сел. Сначала настороженно косился на румяные бока кулебяк, затем откусил...

Эффект превзошёл ожидания!

– М-м-м, это божественно! Жупочка – можно ведь вас так называть? – у вас кулинарный талант! Никогда не ел таких вкусных пирогов! Не думал, что когда-нибудь такое скажу, но стоило быть побитым, чтобы попробовать это.

– Рада, что моя скромная трапеза пришлась вам по вкусу. Заходите в гости как-нибудь. Или, хотите, я заверну вам с собой?

– Уверен, мы будем видеться довольно часто, а значит, это не последний раз, когда я пробую ваши волшебные пироги.

– С удовольствием угощу вас ещё! – заверила его и всё-таки завернула ему куль с парочкой ароматных кулебяк.

– Жупочка, могу я у вас принять душ?

– На втором этаже первая дверь справа.

Стоило Дену зашуметь водой, как в дверь настойчиво застучали. В окно кухни я увидела мелькнувший в диких розовых кустах чёрный силуэт.

О-оу! Кажется, грабители!

Какой идиот грабит дом с раннего с ранья? Все же дома!

Или Ден всё же принц, и за ним явилась охрана. Тогда что эти замаскированные под неуловимых ниндзя люди в чёрном делают в моих кустах? Неужели... ищут мураву? Парнокопытные.

Что-то тут нечисто!

В потайной нише у входной двери я спрятала рояль в кустах. Точнее, не совсем рояль, а вполне себе незаконный боевой арбалет. И нечего думать обо мне всякое плохое! Я не впервые защищаю свои зелёные муравушковые сокровища! Ибо на мой скромный дом любят нападать любители бесплатного смака. Некоторых даже мой внешний вид не отпугивает!

Так вот, арбалет я приобрела ещё будучи студенткой ИКиЯ. Раз в неделю нас водили по спортивным секциям, где мы галопом осваивали нормы ГТО. Мне больше всех запал в душу тир, где я влюбилась в арбалет, в то, как болт насквозь прошивает свиную голову, служившую нам мишенью.

А дальше – пошло-поехало.

В Роиссе запрещено хранить дома боевой арбалет (можно только слабенький, тренировочный), но никто не мешает отдельно купить сильные плечи килограммов на девяносто (сами по себе они оружием не являются), чтобы стрела летела дальше и разила свою цель.

Так я и сделала, а за годы тренировок в саду мои косые глазки дослужились до звания «алмаз», а перезаряжать стре-

лу я умею за десять секунд. И если вам кажется, что это долго, то вам кажется! Попробуйте натянуть тетиву с натяжением девяносто килограммов.

Никак? Во-о-о! А я, хрупкая (слегка жирненькая) девушка, могу!

Визитёров я встретила в прямом смысле во всеоружии:

– Все вон! – завопила я, держа на мушке всех и сразу.
– Предупреждаю: одно лишнее движение – и я стреляю на поражение!

Глава 3. Не влюблена

Не знаю, как меня не убили на месте.

Суровые мужики в чёрных спецовках застыли на пороге и никуда не ушли.

– Именем короля вы обязаны сдаться и опустить оружие!
– объявили мне.

Нет, ладно бы это были полицаи, а тут не пойми кто, вооружённые до зубов. Одни пистолеты по три штуки на харю чего стоят.

Я занервничала. А когда нервничаю, напрочь забываю, что я воспитанная мадам, да к тому же ещё культуролог. В такие моменты мне в голову лучше не залезать.

– Откуда мне знать, что вы не бандиты? – ну, а что? Логичный вопрос. А то все норовят обидеть хрупкую вдову, последний грошик отобрать.

На меня посмотрели, как на умалишённую.

– Дом окружён, вам не скрыться. Бросьте оружие! Это последнее предупреждение! – короткостриженный загорелый блондинчик, угрожающий мне расправой, мысленно уже записал меня в террористы. Зыркал на меня неприветливо, чуть не морщась.

В воздухе наряду с ароматом пирожков повисло нешуточное напряжение. Гова, неужели это была моя последняя в жизни выпечка? Как жаль!

И тут вмешалась сама судьба, не иначе:

– Никто ни в кого не будет стрелять. Саймон, прикажи убрать оружие, – со второго этажа невозмутимо спустился Ден с полотенечком на плечах.

– Но Ваше...

– Отставить возражения! – оу, а Ден и грубо говорить умеет!

– Простите, – кивнул стриженный, и орава в чёрных костюмах за его спиной сложила оружие. – Мы пришли за вами.

А я вдруг осознала, что влипла. Вот это оборванное «Ваше...» – это то, о чём я думаю? Простого гостя страны не стали бы разыскивать целым отрядом.

Сейчас-сейчас осознаю произошедшее...

Принц в моём доме! Спал в моей постели! Ел мои кулебяки!

А-а-а! Я в раю!

Ёмана... Аристарх мне не поверит...

Куль с пирогами я Дену сунула на прощание, а он даже отнекиваться не стал – взял. Хороший это знак. Вот, чую, начало новой жизни, и ни разу не хреновой.

Мужики, которые чуть не расстреляли меня, получили шиш без масла. Потому что заслужили бяку, а не кулебяку.

Друг моего энтузиазма не оценил:

– И чему ты радуешься, блаженная? Ты добровольно готова отдать себя на опыты какому-то избалованному само-

учке без опыта?! Я был лучшего мнения о тебе. Ты либо дура, либо влюбилась, но вероятнее всего, что и то и другое.

– Он принц!

– То-то и оно, страшненькая ты моя! – я и раньше замечала, что Аристарх – токсичный брюзга, но теперь яд сочился из него обильным потоком. – Для монархов мы – прах под ногами. Он сведёт тебя в могилу, а его адвокаты замнут дело так, что виноватыми окажутся тётя Дуся, я и ещё парочка прохожих с улицы! И всё, не видать нам твоей стряпни!

– Тебе никто не говорил, что ты пессимистичный параноик?

– А тебе никто не говорил, что влюбляться в принца – гиблое дело?

– Ой, всё! Ничего тебе больше не расскажу! И ты не смей никому ни полслова! Понял? – настроение у меня упало на такую же отметку, только со знаком минус.

«Ничего не бойся. У тебя всё равно не получится», – вот девиз Аристарха, с которым он идёт по жизни.

– Ты зря обижаешься на меня. Кто тебе ещё правду в глаза скажет? Я же желаю тебе добра, а ты... – он посмотрел на опустевший противень из-под кулебяк. – Пирогамися всяких там принцев раскармливаешь! А он тебе никто! Да и не принц он вовсе, просто ты патологическая мечтательница! Напридумывала себе всякого...

Воу-воу! Если бы не знала, что Аристарх давно и безнадежно влюблён в Дануту Шёлкину, подумала бы, что у него

чувства ко мне. Но нет! Всё куда банальнее: ко мне просто ходят пожрать на халяву.

Отсюда вытекает закономерный вопрос: такие ли уж мы друзья?

Чего ради я дружу с сыном маминой подруги? Я не влюблена в него и, сказать по правде, не осуждаю Дануту за холодность. Есть люди, в которых просто невозможно влюбиться.

Во-первых, Аристарх напрочь лишён мужественности. Тонкости его стана могут позавидовать разве что девицы, злоупотребляющие булочками.

Во-вторых, он брюзга и душнила, не умеющий радоваться за других. Проще говоря, он в любом добром и светлом увидит грязное и испорченное.

Думаю, этих двух пунктов достаточно, чтобы не прислушиваться к мнению Аристарха по поводу Дена.

И, кстати, я в принца не влюблена. Между влюблённостью и восхищением есть чёткая грань. Такая уж у меня рациональная натура: я никогда не влюблюсь в того, кто не влюблён в меня. Это моя защита от разбитого сердца, моя суперсила!

А вот у Аристарха такой суперсилы нет. Он страдает по Дануте со второго курса, в то время как она вообще не считает его мужчиной.

Зазноба моего друга вот уже почти пять лет смеётся над ним. Издёвки, выставление Аристарха ничтожеством – вот любимые забавы Дануты.

Как вы уже поняли, прославиться у нашего горе-поэта не получилось. Не помогла даже моя якобы пылкая любовь к нему. Пиар не сработал.

Всё, чего добился Аристарх к своим двадцати трём годам, это брошюрка со стихами, напечатанная в самиздате. Мини-книжечка не вызвала читательского одобрения, и одно время мой товарищ предавался унынию, а именно ныл у меня на кухне, уничтожая пирожки.

Я старалась быть понимающим другом для него: выслушивала, поддерживала, отпаивала чаями, даже подбрасывала Дануте любовные послания (которые эта с*чка дала почитать подружкам)! А для чего она это делала? – для того, чтобы возвыситься в глазах равнодушного к ней поэта Ладимира Зарницына! В общем, это запутанная история, с порочным кругом невзаимных чувств.

Разве что... Я надеюсь, что моя дружба с сыном маминой подруги чего-нибудь стоит.

Да, Аристарху со мной повезло, а мне с ним не очень.

Есть ли в нём что-то хорошее?

Хм, надо подумать... С ним весело играть в словеса, сочиняя новые выражения типа «рукожопатие», «осень нас тупила», «невротик – не в ротик». Ну, скажите мне, разве не прелесть? Как по мне, это чисто филологический восторг!

Несомненным достоинством Аристарха является то, что он единственный общается со мной открыто и даже зовёт меня на поэтические вечера, где иногда безуспешно читает

свои опусы, в которых две героини: обожаемая им ледяная Данута и якобы страдающая по нему горбатая я (мы обе закатываем глаза, когда узнаём в рифмованных строках себя).

И вот теперь я буду общаться с принцем.

Интересно, откуда он? Судя поговору, местный.

То есть Ден – сын нашего короля Барнабаса Дюпрэ? Не...
Может... Быть...

Или может.

Из учебника по новейшей истории я знаю, что у короля есть два сына от первой жены. Наследника зовут Родерик, ему сейчас около тридцати, и после женитьбы на принцессе Галлии Нотеше Старз он сменит отца на троне. Вся страна ждёт этого светлого события.

Личность второго сына короля засекречена. Ходили слухи, что мальчик уродлив, как экспонат кунсткамеры, или инвалид, на всю жизнь прикованный к кровати. Никто никогда не видел младшего сына всея Роисса.

Поговаривали, что первая королева умерла при родах, а новая за пятнадцать лет брака так и не подарила супругу детей.

Много тайн связано с монаршим семейством, и от этого мне особенно интересно, кто же такой Ден?

В понедельник моя вера в Дена вновь взлетела до небес. Он попросил впустить его в хранилище книг, чтобы в уединении и тишине углубиться в научные медицинские трактаты.

ты.

А я... ради него (и себя, естественно) нарушила правила библиотеки. Ибо доверяю.

У нас получится славный тандем. Скорей бы начать исцеление!

Глава 3.1

Что-то мне подозрительно везёт. В субботу Ден нагрязнул ко мне с утра пораньше. Я только разлепила глаза, даже позавтракать не успела, шаркала по полу тапочками сонная, как артерия. Однако гостью обрадовалась значительно больше, чем предстоящей трапезе. В последнюю неделю аппетит меня покинул.

Какая там еда, когда мои мечты сбываются, словно я попала в сказку.

А ещё мы с Деном перешли на «ты».

Очуметь! Я с принцем как с равным! (Конечно, мы обсудили, что я не треплюсь о его личности и помогаю скрываться в библиотеке от паучихи.)

– Привет, – он явился без предупреждения, но от этого сюрприз был ещё более приятный. – Не помешаю?

– Привет, нет, конечно! Заходи. У меня запеканка с цукатами на завтрак. Попробуешь?

– Позже. Сначала мне нужно осмотреть тебя и снять мерки для корсета.

– О... – не то чтобы я забыла о нашем договоре, но всё равно морально не готова показать прекрасному принцу свои телеса.

По пути на второй этаж украдкой занюхнула под мышками – приемлемо. Платье, конечно, измятое, но ещё пахнет

стиральным порошком. На голове... гнездо.

Когда мы поднялись в спальню, меня колотило похлеще, чем в первую брачную ночь. С чего бы это? Ведь Ден и выбрал меня из-за горба. Он не испугается.

А вот я на своё уродство до сих пор в зеркало смотреть не могу. Хоть вой. Но это не поможет.

– Снимай платье, – буднично попросил он.

– С-совсем?

– Совсем. Оставишь только панталоны и бюстье.

О-оу...

Я раздевалась ме-е-едленно, боясь, что Ден либо хлопнется в обморок от неизгладимых впечатлений, либо сбежит.

Не сбежал. Ни словом, ни взглядом, ни жестом не выказал нетерпения или отвращения. Сама тактичность.

А дальше... Он прикоснулся ко мне голыми руками. Ещё раз. И ещё... Каждое прикосновение я встречала вздрагиванием, будто меня пронизывают разряды тока.

Между нами искрит? Или я размечталась?

– Жупочка, расслабься. Я просто осматриваю. Больно не будет.

– Я пытаюсь, – божечки, это мой голос звучит так жалобно?

– После исцеления твой рост увеличится примерно на пятнадцать сантиметров. Хорошая новость: асимметрия рёбер не ярко выражена. Организм должен достаточно легко перестроиться. Только... Хм.

Меня затрясло ещё сильнее. Что там? Что значит это «хм»? Он откажется?

– Что-то не так? – отважилась спросить.

– Никогда не видел такой магии.

– Это плохо?

– Нет. Это удивительно! Твоя магия не подходит ни под одну классификацию. В мире есть только один неизученный вид магических разумных существ – джинны. Но они, скорее, легенда, чем реально существующий вид.

– И что, я джинн?

– Нет, конечно. Вероятней всего, мутация изменила магию, с которой ты родилась, именно поэтому твои способности до сих пор никак не проявились. Хотя... У тебя определённо кулинарный талант, это тоже своего рода магия.

Вот так. И на вопросы ответил, и даже комплимент сделал. Мечта, а не мужчина! Хочу себе такого мужика.

– Кулинария – это наработанный опыт, – скромно ответила ему. – Тут нет ровно никакой магии, увы. Уверяю тебя: у меня и поныне случаются кулинарные поражения. Вот, на прошлой неделе у меня получились каменные коржи для торта, а кексики и вовсе развалились. Может, магия проявится после лечения?

– Сколько тебе лет?

– Двадцать три.

– Сожалею, но маловероятно, что магия проявится. Будь тебе вдвое меньше, тогда было бы больше шансов.

– Ничего страшного. Жила как-то раньше без магии, и сейчас проживу. А уж если от горба избавлюсь, то большего счастья и желать нельзя.

– Избавишься, – уверенно кивнул Ден. – Но должен ещё раз тебя предупредить: процесс болезненный и длительный. Хорошо подумай, прежде чем решиться.

– Жить в моём теле куда больнее, поверь, – грустно ответила я.

– А знаешь, что? Давай ускорим процесс? Сейчас я попробую снять верхнюю оболочку с магической опухоли. Возможны неприятные ощущения. Потерпишь?

– Без проблем.

Сильные мужские пальцы снова принялись меня ощупывать. Сначала было даже приятно, а потом началось... Словно мою внутреннюю рану прижигают спиртом. Жжёт, зараза! Ай, сильно!

– М-м-м... – я терпела как могла, но из глаз побежали слёзы. Нет, я не заплакала, это просто от нервов.

– Ещё немного. Ты умничка. Вот так... – успокаивающе приговаривал Ден.

Вдруг внизу хлопнула дверь.

Я, что, не закрыла её? Вот ротозейка!

Кто бы это мог быть? Либо маман (что вряд ли в такой час), либо...

– Ты кого-то ждёшь? – Ден тоже услышал шум внизу.

– Нет...

– Жупочка! – крик Аристарха. – Мне срочно нужна твоя помощь! Я сегодня выступаю на поэтическом вечере, а у меня не дописана последняя строчка стихотворения! Ну же, где ты? Там будет Данута! Ты должна мне помочь!

Топ-топ-топ вверх...

– Сейчас заканчиваю... – натужно пыхтел Ден.

Я надеялась, что закрытая дверь в спальню остановит моего друга, но нет: он бесцеремонно расправился и с этим барьером. Застыл на пороге, открывая и закрывая рот, как дышащая на берегу рыбёха. А затем взвыл фальцетом:

– О, господи!

– А тебя не учили стучаться, прежде чем входить? А? Интеллигент ты наш? – вырвалось у меня от обиды и стыда – за него, не за себя.

– Всё. Я закончил, – Ден, наконец, оторвался от меня. – Помочь тебе одеться?

– Нет, спасибо. Я покупаю только те платья, которые сама в состоянии надеть и снять.

– Понял. Я спущусь вниз. Мне нужно записать наблюдения, пока не забыл. Ты не против?

– Да, конечно. Я оденусь и тоже спущусь, – кивнула я, натягивая платье.

Стоило Дену покинуть второй этаж, Аристарх полыхнул глазюками:

– Ты что творишь? – прошипел он. – У него же на лице написано: шарлатан!

– Сам ты шарлатан! Злостный и токсичный эксплуататор моего дружеского ресурса!

– Ах, ты так? Я доверил тебе самое сокровенное!

– И что же это?

– Моё творчество! – он даже взвизгнул от возмущения.

– А, это ты про те стихи, где ты поливаешь меня грязью и выставляешь влюблённой душой и невыносимой уродиной?
– сама не понимаю, чего это меня понесло?

Эх! Горит сарай – гори и хата.

– Да кто с тобой ещё будет якшаться, кроме меня? Я тебя терплю! Я не даю тебе сгинуть от одиночества! А ты...
Неблагодарная!

Да уж, у меня жизнь бьёт ключом и не только.

– Вот и уходи! Я больше не собираюсь быть твоим личным посмешищем и изображать фанатку! С меня довольно!

Аристарх испугался и застыл на месте. А так как я отлично знаю его гаденькую натуру, то предвидела, что он изменит курс разговора:

– Жупа-Жупа, я так и знал, что этот высокородный повеса запудрил тебе мозги, – и он изобразил горечь.

– Запомни раз и навсегда: это моё обдуманное решение.

– Значит, ты не веришь, что я прославолюсь и заработаю тебе на операцию?

– Я освобождаю тебя от этого обещания. Полагаю, ты найдёшь, на что потратить богатство.

– Найду! – Аристарх гордо отвернул нос.

Похоже, между Деном и Аристархом назревает противостояние. Эти двое явно из разных миров, а я... Я хочу стать частью мира Дена.

Глава 4. Игра в синонимы

По поводу противостояния я не ошиблась: Аристарх пошёл ва-банк и решил познакомить меня с... даже не знаю, как обозвать поточнее... ухарем-пахарем!

Произошло это в следующую пятницу, в тот особенный вечер, который я решила посвятить себе любимой. Лишь моя тушка и тридцать три удовольствия.

Только я хотела уединиться на диванчике с книжкой из любимой серии «Магическая фантастика» и блюдом свежеспечённых пирожков и печенюшек, как в дверь постучали.

«Тук. Тук-тук-тук! Тук. Тук», – будто мелодию выстукивают.

Я закатила глаза и простонала. Ибо этого горе-визитёра я узнаю из миллиона.

Аристарх.

Ну, на этот раз хоть постучался, и на том спасибо.

Но друг удивил и тут: он пришёл не один.

– Жупочка, привет! – высокопарно поприветствовал меня Аристарх. – Мы к тебе в гости!

– Э, нет, у меня другие планы на сегодня, – нахмурилась я.

– Ничего нет важнее настоящей полноценной жизни, Жупочка! Это мой поистине дружеский порыв, не смей отказываться! – этот нахал подвинул меня в сторону, распахнул входную дверь шире и провёл своего бессловесного друга

внутри.

Затем эти двое под моим вытаращенным взором сняли башмаки (ну, хоть додумались) и недолго думая прошествовали... Как думаете, куда? Правильно! На кухню!

К моим пирожкам и печенюшкам... с экстрактом муравы.

Ну, а что? Имею же я право уплыть вместе с книжкой в мир прекрасных принцев, отборов невест и вообразить себя первой красавицей, за сердце которой борются лучшие мужи королевства. Ведь жить с ежечасным осознанием, что я горбунья, не познавшая мужской любви, поистине невыносимо.

Поэтому муравушка и любовное фэнтези – моё всё!

Но и тут, как говорится, не оттянешься. Припёрлись разрушители моего спокойствия и уничтожители вкусняшек.

– Вот, познакомьтесь, – Аристарх, наконец, снизошёл, чтобы представить меня приятелю. – Миха. Отличный парень. Мы познакомились сегодня возле типографии, откуда я забирал свои буклеты.

Миха, надо сказать, выглядел, как начинающий маргинал: на носках больше дыр, чем ткани, штаны истёрты снизу, по линии внутреннего шва и на коленях. Пиджак, как в песенке, с оторванным карманом.

А воняло это всё великолепия смесью пота и дорожной пыли. Этакий помоечный душок.

Сам парень приветливо улыбнулся мне от уха до уха, продемонстрировав наполовину сколотый зуб спереди, а затем протянул мне коричневую от въевшейся грязи лапищу.

Фу-у... Он меня, что, за свою принял? Не-не-не! Неряхам руку не подаю!

– Руки мыть там! – сообщила я и указала на дверь санузла. – Вытереться можно зелёным полотенцем, – добавила вежливо, надеясь, что Миха не дальтоник. Ибо очень не хочется, чтобы мое розовое полотенечко осквернили грязными лапищами.

– А чего сразу Миха? – удивилась я, обращаясь к другу, пока Миха плескался в раковине. – Вот ты же терпеть не можешь, когда мама называет тебя Арюшей...

– Он сам попросил так себя представить, – надменно заявил Аристарх.

– Зачем ты вообще привёл его мне?

– Ну, как же! Я подумал, что ты одинокая душа и он одинокая душа. Вы идеально подходите друг другу. Он более реальный, чем этот твой королевский шарлатан.

– ЧТО-О-О? – у меня от такого заявления чуть дым из ноздрей не повалил.

– Тише, Жупочка, Тише... – мой друг ничуть не испугался. – Сама посуди: тебе одной плохо? – Плохо. Вон, на массуху любовную подседа, от реальности бежишь. Мужика тебе надо. Настоящего. А так как моё сердце занято, то я нашёл тебе Миху.

Ну, отлично же! Какой заботливый...

Аристарх привычным взглядом оглядел мою налившуюся кровью физиономию и продолжил:

– Скажу тебе по секрету, что у него – во! – он махнул ребром ладони на уровне своих колен, показывая, до куда у Ми-хи свисает детородный агрегат.

Я пожалела беднягу. Это ж как он вообще ещё ходит? Ему ж всё время приходится пинать свой...

Тем более не понимаю, почему Аристарх притащил мне этого полового переростка. Я ж не врач. Нет, конечно, я могу взять тесак... Хрясь! – и готово. Но будет больно.

У моего покойного супруга хозяйство было куда скромнее – сантиметров десять от силы. Правда, прикоснуться к нему мне довелось лишь когда я ухаживала за Акакием Фридриховичем перед его кончиной. Я мыла его бегемотообразную тушку дважды в день и молила боженьку, чтобы скорее отмучаться. И мне, и супругу.

Бр-р! Как вспомню... Семь дней я пробыла женой, и мне не понравилось. Мне проще смириться с одиночеством, чем взять на поруки ещё одного калеку.

– А от меня-то чего надо? – уточнила, прежде чем высказать вслух свои догадки.

– Как чего? – теперь уже мой друг возмутился. – Ты, Жупочка, где умная, а где дуб дубом. Да все бабы мечтают о большом... – он не договорил, но я поняла и не поняла одновременно. Уж я точно не мечтала о большом члене и вот ну ни за что не соглашусь его себе пришить. И даже половину. Ужас какой! Аристарх совсем спятил.

– Знаешь, что? – прошипела я. – Идите-ка вы оба к другой

дуре!

— Другой нет... — ответил он. — Да ты только подумай! Ми-хе нужен кров и женщина, и ему всё равно, что у тебя горб. А тебе нужен мужчина! Да он косая сажень в плечах! За таким, как за каменной стеной...

Что сказать? Я, хоть и горбунья, но оборванец мне не нужен.

Тут я заметила странность: вода в ванной всё ещё плещется, хотя Миха мог уже двадцать раз успеть помыть руки.

Я прошествовала к двери в умывальню и приоткрыла...

Этот негодяй, спустив штаны на пол, натирал свои кожаные мешочки моим розовым полотенцем с бабочками!

А-а-а!

Откуда во мне нашлись силы тихонько прикрыть дверь, я не знаю. Несколько мгновений спустя ко мне пришла мысль, что Миха настолько в отчаянии, что готов прямо сейчас лечь под мой нож. Потому что детородный орган у него действительно, как сказал Аристарх.

Стоп!

А мой нерадивый друг откуда знает о размерах своего приятеля? У них, что, принято демонстрировать друг другу свои стручки? Так сказать, меряться... этим самым. Да ну, бред...

Я вернулась на кухню, нервно схоямчила печенюшку и запила чаем. Пожалуй, для меня, невинной девы, это уже слишком.

Наконец, Миха вышел.

– А скажи нам, Миха, как твоё полное имя? – поинтересовалась я. Мало ли мне в дом мошенника привели. Так хоть разузнать о нём побольше. Если соврёт, увижу.

– Михалохигей, – ответили мне.

– Оу... – я тут же прониклась к парню пониманием. Кажись, не мне одной шибко подфартило с имечком.

– Колбидоёби, – добавил он, а у меня чай, которым я запивала печенюшку, пошёл носом.

Вот же ж... Но, замечу, смех – это неконтролируемая реакция, так что я тут не виновата!

– Кхе-кхе. Не матюгайся! – воззвала я к приличию. Эх, знала бы я, чем буду заниматься через полчаса...

– Я не матюгаюсь. Это моя фамилия, – скромненько так, переминаясь с ноги на ногу, ответил Миха.

Бедняжечка...

– Ну, – решила я. – Сегодня у меня свободный вечер, так что садитесь за стол. Сейчас разолью чай.

Так и случилось: чай я разлила. По столу. И так смешно мне стало...

Виновата во всём печенюшка с муравушкой. Пряная, вкусная, веселящая.

– А давайте поиграем? – предложил Аристарх после двух печений и пирожка с мясом. – В ассоциации и синонимы?

– Это как? – Миха скромненько грыз свою первую печенюху и плотоядно поглядывал на далековато стоящую от

него бадью с пирогами.

– Например, я называю первую пришедшую на ум ассоциацию, а мы все по очереди называем синонимы к этому слову. Если кто-то из игроков затрудняется, то выбывает из игры до нового кона. Следующим загадывает ассоциацию тот, кто последним назвал синоним, – пояснил Аристарх.

– А что такое синоним? – пытаюсь съёжиться до микроскопических размеров, спросил наш новый знакомец.

Эх, Миха-Миха... На свою беду, ты попал в компанию к культурологу и языковеду.

Худо-бедно мы объяснили ему на пальцах, что штаны и брюки – это синонимы. А также хлеб и булка, перчатки и перстянки, скакун и жеребец и т.д.

– Так как я предложил игру, я загадываю первое слово, – торжественно объявил Аристарх. – И это слово – шляпа.

Дальше была очередь Михи, но он, будто стукнутый пыльным мешком, молчал.

– Какой синоним к слову «шляпа»?

– Э-э-э... – протянул он, потом в его мозгу, видимо, зашевелились шестерёнки, и он выдал: – Панамка!

– Засчитываем, – кивнул Аристарх.

– Сомбреро, – выдала я заготовленный синоним.

– Цилиндр, – подхватил мой друг.

– Э-э-э... Фуражка.

Воу! А Миха не совсем безнадёжен! Втягивается.

– Котелок, – блеснула я знаниями.

– Эх, я его хотел назвать, – зашипел Аристарх и сморщил нос. – Ещё же есть... Как его там...

– Сдаёшься?

– Ладно, на первый раз дам вам возможность... – пробубнил друг и изобразил оскорблённое достоинство.

– Я была последняя. Я называю новое слово, – печенюшки ударили мне в голову, и я выпалила: – Член!

Глава 4.1

Ой... Хорошо, что Дэн сегодня отсутствует по своим крайне важным делам.

Парни резко перестали жевать и ошарашенно посмотрели на меня.

– Чего? – спросила у них. – Что естественно, то не безобразно. А если и безобразно, – мне вспомнилась «дохлая жаба» покойного Акакия Фридриховича, – то что поделать... – вздохнула и добила: – Член, мальчики, чле-ен!

– Хм. Ну, ладно. Участник, – изрёк Аристарх.

Вообще-то я не это имела в виду.

– Чё? – не понял Миха. – Это типа у вас человек – это член?

– А давай засчитаем ему человека? – предложила я, чтобы не потерять игрока.

– На первый раз давай, – нехотя согласился тот.

– Моя очередь, – улыбнулась я. – Пипка!

– Пф, – Аристарх явно не оценил уничижительную окраску слова. – Краник.

Краник?! Он это серьёзно? Пф... Если так пойдёт, то мы тут плесенью покроемся от ханжества.

– Ребята, – покачала я головой. – Для тех, кто не знает и для тех, кто забыл, напомним главное правило языка: если слово существует, значит, его можно произносить. Давайте,

вы же не кисейные барышни!

– Хобот, – на удивление быстро ответил Михалохигей, покраснел и выпучил глаза, дивясь, что его уста только что произнесли.

– Срамной уд! – где ещё, как не перед парнями, щегольнуть осведомлённостью?

– Конец, – аристократически произнёс Аристарх и отпил из чашечки.

– Хрен.

– Убивец!

– Чего? Нет такого! – забухтел Аристарх, но потом посмотрел на Миху и вздохнул. – А, ну, может быть. Тебе виднее. Ладно, засчитываем. Пенис.

– Шишка, – Миха, смотрите-ка, не отстаёт!

– Дохлая лягушка! – ну а что? Я уже дошла до «кондиции».

Парни заржали, как кони. Наконец-то! А то я уже подумала, что одна тут буду веселиться.

– Хер.

– Кукан.

– Двадцать первый палец!

– Семяпровод.

– Торчелло.

– *уй!

Аристарх икнул от неожиданности.

– Жупочка, тебе больше нельзя печенья, – вероятно, мой

друг уже пожалел, что затеял эту игру. Испорчу ведь мальчика-зайчика, развращу. Тётя Галя мой скромный домик потом тухлыми яйцами закидает.

– Пожалуй, – согласилась я. – А давайте сделаем паузу? У меня скрутки есть. С них вообще в нирвану уплывём.

– Я за! – в глазах у Михи загорелись огни. Он увидел цель!

– Я имел в виду, что муравушки с тебя на сегодня хватит, – закатил глаза Аристарх. – Я, вон, Миху привёл знакомиться к приличной женщине, а ты тут что устраиваешь?

А я что? Мне не стыдно. Я под смаком. И вообще: я никого не звала!

– Миха, – обратилась к нему, – тебе как?

– М-мне всё нравится! – он активно закивал. – И глаза у тебя к-красивые!

Бьюсь об заклад, про глаза он ещё до знакомства придумал по наводке Аристарха. Обоих засранцев вижу насквозь.

– Во-о-от! – я сделала вид, что повелась. – А чтобы я вся стала красивая хотя бы на этот вечер, мне нужна скрутка. В общем, вы, как хотите, а я иду на задний двор, – там у меня уютная скамеечка под кустом сирени. И даром, что октябрь, когда душа поёт!

Парни – кто бы сомневался – припёрлись следом, приманенные заветной коробочкой. Ну, а где ещё разживёшься отборной муравушкой на дармовщину?

– Жупочка, не кажется ли тебе, что ты как почтенная вдова должна быть более... кхм... порядочной? – завёл старую

шарманку Аристарх.

– Ты прав, – преувеличенно траурно ответила я. – Это наш последний вечер. Отныне я прекращаю выращивание смаковальных растений. Здесь, – я постучала по металлической коробочке со скрутками, – последняя партия.

– ЧТО-О-О??? – ой-ёй, кажись, кое-кого сейчас хватит удар. – Да я... – Аристарх начал задыхаться. – Да я... Как же моё творчество? Ты, что же, без вдохновения меня оставишь?

Ага, смекнул, гад, что без моей муравы у него и паршивой рифмы не родится.

– Ну а что поделать... – я улыбнулась и сладко затаилась. – Наслаждайтесь, пока можете.

И если Миха послушно последовал моему совету и тихонечко мял в пальцах скрученную палочку, то Аристарх жадно смаковал и чуть не плакал.

– Ну что, играем дальше? Или кто-то тут всё ещё желает моей порядочности? – спросила я.

– Не! Не! Не желаем! – хором ответили мои товарищи.

– Отлично. Аристарх, твоя очередь.

– Щекотун, – обречённо выдал он, будто его заставили охарактеризовать содержимое собственных штанов.

– Балун.

О-о, а Миха знает толк в синонимах! Видимо, часто называет своего дружка в связи с его качествами.

– Ванька-встанька!

– Фаллос.

– Мотовило.

– Жила подпупная! – я верна традициям и называю самые интересные варианты.

Я сидела попой на мокрой скамейке, парни мокли и мёрзли под октябрьским дождём, но ржали в голос.

– Где ты нахваталась этого? – дивился Аристарх. – Ты ж вроде замужем была всего ничего.

Ага, неделю. Точнее, восемь дней. И если первый день – это свадьба, то остальные – ухаживание за умирающим от удара супругом.

Чтобы хоть как-то отвлечь Акакия от страданий, я читала ему всё, что попадётся под руку. И вот... под руку попался словарь синонимов.

Прочитанные книжки странным образом фотографически запомнились мне, а сегодня я блещу усвоенным материалом.

Игра потекла живее.

Какой богатый синонимический ряд у этого сомнительно притягательного и волнующего образа!

– Писюн.

– Одноглазый змей, – перенял эстафету Миха.

– Дружок!

– Мужское достоинство, – с достоинством и неким облегчением произнёс Аристарх.

– Поршень, – мне показалось или Миха стрельнул в меня

глазками?

– Волшебная палочка!

– Свистулька.

– Слоник.

– Нефритовый стержень!

– Э-э... – Аристарх наморщил лоб. Слов осталось всё меньше. – Стручок.

– Шланг.

– Сосиска!

– Крайняя плоть.

– Пожарник.

– Сахарная головка! – и тут ребята с явным интересом посмотрели на меня.

– Лысый, – поднатужил мозги мой друг.

– Палка.

– Леденец!

– Может, в дом вернёмся? – предложил Аристарх, который затруднялся с синонимом, но не хотел второй раз оказаться в проигравших.

Мы вернулись, заправились чайком и вернулись к финальной стадии кона:

– Причинное место, – вероятно, это был последний вариант в арсенале Аристарха.

– Кожаная флейта, – просиял Миха и кокетливо дёрнул бровями на меня!

Ах ты ж стервец...

– Жезл наслаждения! – не растерялась я.

Аристарх приуныл. Сжал кулак. Прорычал.

– Что, всё? – уточнила у него.

– Чёрт... – мой друг вынужден был признать поражение.

– Ладно. Миха?

– Ствол, – незамедлительно назвал тот.

Я отвела взгляд от наглого гостя, повернулась к Аристарху и выдала:

– П*здострадалец!

– Неправда! – оскорблённо выпалил он.

Я хохотала и плакала, глядя, как мой друг заливается краской.

– Мотня, – назвал Миха.

– Петрушка! – не желала сдаваться я.

– Пушка.

Он сдастся или нет? Я хочу победить!

– Сморчок!

– Дубина, – и, клянусь, Миха запустил руку в карман штанов, чтобы проверить свою...

– Тычинка!

– Огурец.

– Инструмент!

Парни прыснули и переглянулись.

– Хм... Хобот, – назвал наш половой гигант.

– Было уже! – зацокала я языком.

– Хм... – задумался Миха, продолжая гипнотизировать

меня похотливым взглядом.

– Сдаёшься?

Тот вздохнул и кивнул.

– Что ж, – я просияла. – Это была достойная битва, – и мы пожали друг другу руки.

Подбирать новую ассоциацию не стали, да и разговор лился рекой безо всяких игр. Всё-таки хорошо быть навеселе.

Но стоило мне на пару минут утратить бдительность, как я увидела... Омагад! Миха достал свой шланг и поливал мою шеффлеру в кадке!

Ух, козёл! А туалет для кого?

И тут я поняла: с Михой мне абсолютно точно никогда не быть. И дело даже не в размере его убийцы и не в бедности, а в культуре, точнее, в её отсутствии. Одно дело говорить неприличные слова, и совсем другое – писать в горшок. Цветочный!

Мне вдруг не к месту вспомнилась детская приговорка: «И не писай в мой горшок! Ты мне больше не дружок!»

Кто-то скажет, мол, подумаешь, суший пустяк! Но в том-то и дело, что этот суший пустяк мне не нужен.

Вот, Ден ни за что не стал бы так делать. Хотя мне было бы интересно обсмаковать его муравой и вытянуть парочку страшных-престрашных тайн. Эх, мечты-мечты...

Глава 5. Преображение в женщину

Остаток вечера я потратила на зачистку территории от следов мужицкой «аккуратности». Проще говоря, мыла столы, полы и посуду.

С полки на меня грустненько взирал любовный роман «Нищенка в Академии Магии», где героиня шаг за шагом завоёвывает не только уважение сверстников, но и влюбляет в себя опального принца, который под чужим именем преподаёт в Академии. Классика жанра, в общем, но мне нравятся книжечки со счастливым финалом. Ибо в реальности жизнь любит заканчиваться нелепо, как у Акакия Фридриховича.

Утром оказалось, что прибиралась я не зря. Правда, моя обсмакованная головушка совершенно забыла про пиалу с размельчёнными сушёными листьями муравушки, которые я планировала завернуть в скрутки и продать в Обменном переулке, но не успела, и они так и остались стоять на столе.

– Жупочка, это, что, мурава? – Дену хватило беглого взгляда, чтобы опознать оную.

– Да не, это пряность для мяса, – не слишком умело со-
вратала я.

Как тут соврёшь? Стоит один раз понюхать, и правда всплывёт, как утопленник в речке.

– Тебя обманули. Это не пряность, – и мой гость с гри-

масой отвращения на лице высыпал мою травку в ведро под раковиной!

А-а-а!!!

– За что-о-о... – сквозь зубы простонала я.

«Добра-то сколько пропало! – возопила моя вторая сущность, и тут я с ней была полностью согласна. Затем она разошлась: – Убей! Убей мерзавца! Угандошить его за такое и делов!»

Ден глянул на меня куда более заинтересованно:

– Так, значит, пряности, говоришь...

– А чего ты ждал? В моей жизни почти нет удовольствий. Муравушка хоть как-то скрашивает моё несчастное существование.

– Жупочка, скоро у тебя начнётся новая, полноценная, жизнь. Радостей и удовольствий в ней будет столько, сколько сама пожелаешь. Дурманные вещества тебе не нужны.

«Нужны! Ещё как нужны! – бесновалось моё второе я. – Мочи гада, пока он не запудрил твои мозги!»

– Да как-то, знаешь, пока не очень-то верится в новую жизнь... – поникла я головой.

– Даже так? – он изогнул бровь. – Тогда начнём лечение прямо сейчас!

По поводу лечения Ден не шутил. Достал из сумки женскую тунику-утяжку и какие-то приспособления из эластичных лент. И всё белое, как саван.

– Утягивающая рубашка нужна, чтобы ленты не натирали твою кожу. Я пока что сделал их слабыми, и они будут медленно выпрямлять твой позвоночник. Это такой своеобразный корректор осанки, созданный специально под твои параметры.

– Звучит многообещающе.

– Давай мерять. По ходу дела я буду регулировать размер и длину приспособления.

И началась пытка, а, как позже оказалось, это было только приготовление к моему личному аду.

Если тунику я кое-как надела, то ленты меня чуть не задушили и не переломили пополам.

Ну, точно саван! Буду здоровая, но мёртвая.

– Недостаточно туго, – изрёк Ден, поглядев на с трудом дышащую меня.

– Серьёзно? – мои косые глазоньки выпучились на него. – Я сейчас умру. Органы в брюхе лопнут...

– Это с непривычки, – и он принялся затягивать ленты где-то в районе моих лопаток, чтобы выпрямить горб.

– Не могу... В глазах темно. Больно, – еле ворочала я языком, опёршись обеими руками в стол.

– Потерпи капельку. С настройкой размера я закончил. Сейчас начну воздействовать магией, – он по-свойски пристроился возле моего тыла, и это будоражило, не давая мне уплыть в небытие.

Затем меня уложили на живот на кровать, и дышать стало

ещё сложнее, хотя, казалось, куда уж хуже. А дальше... мне надавили на горб!

– Ай! А-а-а!

– Потерпи немного. Сейчас будет магическое воздействие, – пояснил Ден, а я уже хрипела и считала звёздочки перед глазами.

Клянусь, моя спина треснула! Не просто хрустнула, а именно треснула, в ней что-то сломалось или оборвалось.

– У-ми-ра-ю... – просипела и, подумав, издала максимально достоверное предсмертное: – Кхе!

– Ещё чуть-чуть. Я магией убираю спайки... – Ден тоже кряхтел, но не как я, а по-мужски сексуально.

Ну, раскудрить твою кудрить! Подыхаю, а всё равно думаю о его соблазнительности!

Внезапно адовы муки сошли на нет.

– О-о-о... – Ден свалился на матрас рядом со мной. – Начало положено. Ты как, Жу?

Как-как он меня назвал? А что, мне нравится.

– Ы-ы... – простонала я.

– В сознании. Это хорошо.

– Всегда будет так больно? – задала самый животрепещущий вопрос.

– Нет, что ты. Это мы только начали.

– Что?!

– Я же предупреждал. Не переживай, половину твоей боли я беру на себя.

– Да-а? А так разве можно? – я даже про стягивающие резинки забыла и приподнялась на локтях, хотя спина болела и, кажется, стала какой-то другой формы.

– Можно. И нужно. Иначе я не буду чувствовать, что с тобой происходит. Магическая привязка к твоим ощущениям даёт мне возможность прощупать границы допустимого воздействия.

– Спасибо. Для меня ещё никто ничего подобного не делал, – я, что, прослезилась от благодарности? Да не, это слёзы облегчения, что на сегодня я отмучилась.

– А теперь давай помогу тебе встать. Посмотрим, какой результат сегодняшней терапии.

Меня подвели к зеркалу, а там... Такой прямой я никогда не была. Нет, чуда не произошло, я по-прежнему оставалась горбуньей, но именно сегодня поняла: Ден меня исцелит.

Утягивающая туника приподняла грудь, подчеркнула талию, о которой я раньше не подозревала (потому что раньше я жрала, как конь, и вместо талии у меня было три спасательных круга жира), и расправила мне плечи. Даже рост увеличился! Сантиметров на пять!

Теперь похудевшая и слегка распрямившаяся я стала похожа на женщину. Реально, я, хоть и не красавица, а всё же выгляжу сейчас лучше, чем на собственной свадьбе!

– Де-е-ен! – я развернулась к нему, счастливая до безобразия, и набросилась на него с объятиями. – Спаси-и-ибо! Это невероятно! – я тут же отпрянула, испугавшись, что мой

благодетель уже борется с желанием сбежать от меня. – Прости. Тебе, наверное, неприятно прикасаться ко мне такой...

– Обнимать тебя куда приятнее, чем некоторых, уродливых душой.

– Эт-то ты о ком? – заторможенно поинтересовалась я.

– Не бери в голову и не слушай, что болтают злые языки, – и он мне улыбнулся!

Мать моя женщина... Что делается-то! Честное слово, будь мне лет шестнадцать, я хлопнулась бы в обморок от переизбытка чувств.

Дену не противно меня обнимать! В диалоге даже прозвучало слово «приятно»! И даже сравнение в мою пользу! Ва-а-ау!

Я впервые почувствовала себя женщиной, а не существом неопределённого пола. Оказывается, на меня можно смотреть не как на калеку.

Пожалуй, сегодня самый счастливый день из прожитых мной.

– Ден... – теперь я точно плакала от благодарности. Обильные слёзы бесстыже текли не только из глаз, но и из носа. – Спасибо тебе, что... Ы-ы-ы... Относишься ко мне по-человечески...

И я вконец разрыдалась, когда самый идеальный мужчина сам – сам!!! – обнял меня. Пускай из жалости и сострадания, но всё же это был его личный порыв. Ничто не заставит мужика обнять женщину, которая ему противна. А значит...

«Воу-воу! – влезло моё второе я. – Ты давай тут не стелись перед ним. А то знаем мы таких: очарует тебя и прикуёт к себе кандалами. Будешь за ним ползать безродной жучкой, которой он однажды бросил кость».

Я мысленно пнула своё альтер эго, как вдруг:

– Жу, я чувствую, что часть тебя противится мне.

– Д-да? – ой, не умею я притворяться.

– Сопротивление твоего сознания затрудняет работу и может помешать в будущем. Скажи, что тебя пугает?

«Тупой ты мужлан! Меня до усрачки пугает, что с исчезновением этого уродского горба исчезну и я!» – всю ругалось моё второе «я».

«Ну, что ты, что ты! – мысленно попыталась я успокоить разбушевавшуюся Жупочку номер два. – Куда ж я от тебя, фурункула ягодичного, денусь! Глупо с твоей стороны не желать мне выздоровления из-за каких-то беспочвенных страхов. Лично я уверена, что ты ещё попьёшь моей кровушки».

Ёжки-макарошки, что, если у меня терминальная стадия шизофрении?

«Гарантируешь, что я останусь?» – пытала меня Вторая. О! Вторая – так и буду теперь её называть.

«Да горб даю на отсечение, – мысленно закатила я глаза. – Га-ран-ти-ру-ю!»

«Ну, ладно. Если почувствую, что творится лютая хрень, тормозну процесс», – пригрозила она.

– Жу? Жу-у? – звал меня Ден, пока я общалась с собой.

– Ты здесь?

– Ой, да, прости. Договаривалась с собой, чтобы сопротивления больше не было, – заверила его.

– Рад, – кивнул он. – И ещё кое-что: с сегодняшнего дня ты завязываешь смаковать мураву. Больше никакой зелени: ни в скрутках, ни в печенье. Ни крошки! Ясно?

«Ах, он ж подлец! От с-скотина высокородная! Говорила я тебе, дуре, что надо его мочить!»

Глава 6. Прошное Дена

Ден не отходил от меня все пять часов, пока я была в смиренной рубашке, то есть в тунике-утяжке и корректоре осанки. Он даже пытался меня покормить, но куда там! Скорее, мой желудок переобуется и станет наружным органом, чем вместит в себя хоть пару ложек макароншек с гуляшиком.

Зато мой надзиратель с удовольствием проглотил свежеприготовленное блюдо. Ел бесшумно, ни разу не скрипнув вилкой по тарелке и не испачкав белоснежную рубашку. Вот что значит аристократ!

– Интересно, столь безупречные манеры прививаются розгами?

– Было дело, – ухмыльнулся Ден.

– Значит, ты и в самом деле принц, о котором никто не знает?

– Судя по твоей осведомлённости, это уже не так. Как ты догадалась?

– Студент с блестящими манерами, внешностью бога и крестьянской фамилией Джонс. Действительно, что тут может натолкнуть на подозрения? А уж если копнуть глубже и заговорить с тобой, выяснится, что роисский язык ты знаешь на уровне носителя, в то время как все аглицяне, даже те, кто живёт здесь десятилетиями, никак не могут избавиться от своего адского акцента. Они говорят: «Жюпотшка, пры-

несыттэ, плиз, утшэбнык по нэрвным болэзньям». Понимаешь? Они каждый раз будто язык ломают!

– Я отказался от предложенных мне вариантов имён и придумал себе, как мне казалось, максимально короткое и лаконичное. Увы, культурологу моя конспирация на один зубок.

– А какие имена тебе предлагали?

– Фредерик Ван Дер Лантервильский.

– О...

– Это самое простое из предложенных. Остальные я даже прочёл с трудом и не потрудились запомнить.

– Правильно я понимаю, что ты говоришь на аглицком языке?

– Да. С рождения меня учили четырём языкам: роисско-му, аглицкому, галлийскому и немийскому.

– Одного не пойму: почему же тебя скрывают?

– Я не наследный принц, мне огласка ни к чему, – и он улыбнулся как-то чересчур довольно.

– То есть ты совсем-совсем не хочешь стать королём?

– Жу, я открою тебе один секрет: никто не хочет. Я – тем более. Я могу заниматься тем, что мне нравится, и даже жениться по любви. Моему старшему брату повезло меньше: его с младенчества готовят надеть кандалы власти.

– Кандалы? В простонародье все только и мечтают пожить, как короли.

– Уверяю тебя, это самые настоящие кандалы. Короли в

свою очередь мечтают пожить без груза ответственности на плечах.

– Даже ты?

– Даже я. Если с Родериком что-то случится, его место займу я, – Ден поморщился. – И я должен быть готов к этому.

– И всё же тебя отпустили учиться?

– Им пришлось меня отпустить. Жена отца считает, что это из-за меня она никак не может родить. Думает, я травлю её зельями. Поэтому самое лучшее, что они могли для себя сделать, – это переключить меня на другую цель, подальше от дворца.

– Ты действительно травил свою мачеху?

– Нет. Она просто пьёт отвар калины для нормализации давления, а от него случаются выкидыши. Но я намекнул, что причастен к её беде, чтобы она не подумала лишать меня академии.

– Жестоко...

– Присцилла тоже далеко не агнец божий. В мире власть имущих всё пропитано жестокостью, а вовсе не родственными чувствами. Иные люди не задержались бы долго на престоле.

Присцилла... Это сокращение от «преступная бацилла» или «пресмыкающаяся сцилла»? Как ни крути, а смысл один. Как говорится, хорошего человека Присциллой не назовут.

Так, что это я тут по имени сужу? Это ещё вопрос, назовут

ли хорошего человека Жупердильей... Уж лучше Присцилла. Так что молчим в платочек.

– Но вы же семья... – озвучила я.

– Семья? О, перестань, – Ден как-то горько махнул рукой. – Помню, в детстве к нам в летнюю резиденцию в Бреджике приехал брат мачехи Персиан. Он сразу с нами поладил, и мачехе это так не понравилось, что, когда мы собрались ехать в горы на пикник, она велела запереть ворота и не выпускать нас. С тех пор Персиана к нам больше не подпускали.

– Мне жаль, что ты рос без материнской любви.

– Все мы чего-то лишены. Мне ещё повезло, что я постигаю лекарское дело в академии и в теории могу жениться по любви.

– Почему только в теории?

– Потому что в планах отца, чтобы я стал консортом при какой-нибудь подходящего возраста королеве.

– Ты можешь отказаться?

– Если Родерик взойдёт на престол, да. Но для этого ему самому нужно выгодно жениться.

– Принести себя в жертву? Мне заранее жаль твоего брата.

– Мне тоже. Но он сильный, справится.

За разговором я немного отвлеклась от ноюще-тянущей боли в спине и рёбрах. Реально, как будто меня пожевали тупыми зубами и выплюнули.

Ден неспеша разделался со слоёными крендельками и теперь с тревогой посмотрел в мою не тронутую тарелку.

– Жу, в чём дело?

– Кажется, мне плохо, – призналась, стараясь не стонать, потому что обещала вытерпеть всё. – Совсем. Ты слишком сильно меня затянул. Но я потерплю, если надо. Поем потом.

– Придётся походить в корректоре ещё четыре часа, – не сжалился он. – Поесть ты можешь и позже, но обязательно прямо сейчас выпей воды, – и мне буквально влили стакан в рот, не успела я даже пикнуть.

О-о-о, плохо мне, плохо... Я, как рыба, хватала воздух ртом, выпучив глаза, и старалась отвлечься ощущений моей брэнной оболочки.

«Чёрт те что творится! Я жрать хочу! Бери нож и кромсай эти адовы путы в лоскуты!» – негодовала Вторая.

«Нет! – заявила ей я. – Хочу быть нормальной! Я вытерплю!»

«Фьюить!» – мне показалось, или в воздухе просвистело крохотное голубоватое облачко? Или это глюки?

Ну и дела. Плющит меня не по-детски.

Следующие четыре часа не знаю, как пережила. Ден поднял меня обратно наверх в спальню, уложил на спину и гладил по голове, рассказывая истории из детства.

Я лежала, беззастенчиво плакала от боли и... в то же время кайфовала, потому что на душе уверенно царило чувство, что так и надо, всё правильно. Ден, эта кровать, я в корректоре.

И кажется, что Ден уже мой. Да, для уродливой горбуньи

это чересчур смело, но наш мир как раз принадлежит смельчакам. Поэтому: Ден мой! И точка.

«Фьюить!» — снова это облачко!

— Раньше не замечал, что у тебя разноцветные волосы, — выдернул меня из облачных мыслей Ден.

— Да какие там разноцветные? Серые, как у полевой мыши, — с трудом ворочала языком я.

— Нет же, вот эта прядь золотистая с рыжим отливом, — он аккуратно высвободил часть моих волос из хвоста. — Гляди!

— Ой, и правда, — удивилась я тому, что за двадцать три года не заметила сию особенность. — Чудеса...

— Уверен, нас ждёт ещё немало чудес.

— Сказал мне будущее светило лекарской науки.

— Мне приятно, что ты веришь в меня, — Ден как-то странно посмотрел на меня, а зрачки его глаз расширились.

Воу! Неужели мне так плохо, что я выпала в обратную реальность? Зрачки же расширяются у влюблённых. Или у дурманозависимых. Когда это Ден отведал моего муравного печенья? Мы вроде бы вчера всё съели. Миха крошки со стола ртом, как пылесос, засасывал. Точно помню.

А раз Ден не ел печенья, значит... Значит, что я классно нафантазировала себе, чтобы отвлечься от выкручивающей рёбра боли.

— Жу, как так получилось, что ты вышла замуж? — прозвучал нескромный вопрос.

— Маменька устроила.

– Муж тебя не обижал?

– Нет. Он был душа. В дедушки мне годился, но это ничего.

– Давно от умер?

– Пять лет назад.

– Ясно. Во время сканирования твоего организма я заметил одну особенность: ты, будучи вдовой, осталась девушкой.

– Ну и что! – перешла я в оборону. – Моё тело – моё дело.

– Нет, ничего. Просто... Ты не такая, какой кажешься на первый взгляд.

– Это комплимент?

– Констатация факта.

– Угу. А можно я тоже задам тебе нескромный вопрос?

– Задай, но не обещаю, что отвечу.

– Какое твоё настоящее имя?

– Извини, пока не могу сказать. Действительно не могу.

– А потом скажешь?

– Когда придёт время – да.

– А оно придёт?

– Непременно, – и сменил тему: – Всё. Пора освобождать тебя!

Я думала, что со снятием корректора осанки моя боль пройдёт, но куда там! Она заиграла новыми красками ада!

– Уй, ё-ё-ё...

– Тише-тише, сейчас я помогу тебе справиться, – Ден стя-

нул с меня утяжку и прижал ладони к моей голой спине, а моя обнажённая грудь ощущала мягкость его белоснежной рубашки.

И тут мне стало как-то не до боли в спине и рёбрах. О, божечки! Меня, голую до пояса, обнимает принц! Для меня это уже секс!

– Я должен уйти, – он резко отстранился и сел ко мне спиной. – Завтра старайся как можно больше лежать, чтобы не потерять эффект от сегодняшней сессии. В понедельник приходи на работу пораньше, я надену на тебя щадящую версию корректора, – Ден вскочил и направился к двери.

– Подожди!

– Мне пора. Увидимся в понедельник, – и был таков.

Глава 7. Пауки

В понедельник Аристарх ворвался ко мне в библиотеку, крича:

– Петушок! Петушок! Я вспомнил петушка!

– И я тоже рада тебе, дорогой мой олигофренд, – скаламбурила я, хотя самочувствие у меня после надетого корректора осанки было, как у дважды пожёванной тушки. – Твой петушок не мог подождать до вечера?

Сейчас, во время первой пары, в библиотеке было пусто, только я да мама дежурили за стойкой. Маман уже привыкла к нашим словесным пикировкам, поэтому пропускала их мимо ушей, погрузившись с головой в псевдоисторический роман под названием «Королева в башне».

Мне вспомнился сюжет этой книги: королеву ложно обвинили в попытке убить пасынка, наследника трона, и заковали её в башне. Потом нанятый детектив выяснил, что на самом деле королеву подставил младший брат короля, но к тому времени башня уже была пуста, и никто не знает, куда исчезла супруга короля.

В общем, загадочная история, у которой, если верить слухам, есть продолжение, но его нигде не достать.

Из воспоминаний о прочитанной книге меня вырвал Аристарх:

– У меня глюки или ты стала выше ростом?

– Каблуки надела, – пошутила я. Каблуки выше трёх сантиметров я от роду не носила, не собираюсь и теперь. – Ты что тут делаешь посреди рабочего дня?

– Меня отправили сюда из ИКиЯ, чтобы передать методички по изучению культуры речи. Это спецкурс, разработанный специально для будущих медиков.

– А ко мне зачем пришёл?

– Сказать, что не считаю себя проигравшим. Мой разум был одурманен.

– Мы были в равных условиях, – не согласилась я.

– Да в тебя два меня влезет! Дозировка была разная! – возмутился друг, и это было как-то совсем уж мерзко.

– В меня не влезешь даже один ты! И вообще: умей проигрывать с достоинством. Кто не умеет проигрывать, тому никогда не быть победителем.

– Готовься: в следующую игру ты познаешь горечь поражения, – и Аристарх прямой походкой (будто, извините, на кол сел) покинул библиотеку.

Что это было? – Загадка.

Не успела я погрузиться в свои культурологические думы, как к нам нагрянула паучиха.

– Эй, ты, с кошмарным именем! – брезгливо обратилась она ко мне. – Мне нужен сборник по высокоуровневым заклинаниям. Срочно!

– Это книга из закрытой секции. У первокурсников нет доступа к ней, – сообщила я вежливо.

– Да неужели?! – ядовито прошипела она, дискредитируя своим поведением весь паучий род. – Дену всё дозволено, а мне нет? Я в курсе, что ты пропустила первокурсника в закрытую секцию! Как думаешь, сколько ты проработаешь, если я доложу об этом руководству академии?

А вот и расставленная по мою душеньку паутина. И я в неё влипла.

– Вы можете сообщить ректору о ваших домыслах. Ваше право.

– И сообщу! – на безупречной мордашке паучихи вырисовалась кошмарнейшая гримаса, сводящая на «нет» всю её женскую красоту.

Не про эту ли особу говорил Ден? Это паучиха, прогнившая изнутри?

Да, вот бы мне её стать и красоту, но при этом остаться собой...

«Фьюить!» – снова это голубое облачко!

Что за?!

После четвёртой пары Ден, провожаемый маминым колющим взглядом, уволок меня в уголок (в книгохранилище), где предал мои многострадальные тела раздеванию.

– Ден? А, Ден? Твоя блондинистая подруга сегодня, кажется, лишила меня работы. Она обещала сообщить ректору, что я провела тебя в закрытую секцию. Меня за такое уволят. И маман заодно.

– Я позабочусь, чтобы вы с матушкой сохранили рабочие места, а Лизбет не пикнула.

– Спасибо. А ты сам не подставишься?

– Ректор знает, кто я. У меня привилегированное положение.

– Ясно, – кивнула ему.

Утром мы не успели поговорить ни о чём личном, да и Ден сегодня избегал смотреть мне в глаза, снова торопился и будто бы нервничал.

– Как твои срочные дела? – ненавязчиво полюбопытствовала.

– Всё в порядке, – краткость – сестра недоверия. – Как ощущения после выпрямителя осанки?

– Так, будто меня сначала мучительно убили, а потом воскресили ради прикола, – максимально правдиво ответила я.

– Со временем болеть будет всё меньше. Ткани привыкнут к новому положению. Конечно, после снятия корректора тебе лучше полежать, но в текущих обстоятельствах просто избегай нагрузок. Поняла?

– Да.

Он покинул меня, а я... отправилась помогать матушке справляться с неожиданным наплывом студентов, заработав себе впоследствии такую боль в спине, что в конце дня не смогла самостоятельно переодеть сменную обувь. Хорошо, что маменька подсобила.

А стоило мне сойти с крыльца академии, как меня попу-

тал чёрт! Ноги сами понесли во внутренний двор, в укромный уголок под куст сирени, а руки достали припрятанную заветную коробочку со скрутками из муравушки.

«Ыф-ф-ф... А-а...» – вдохнула и выдохнула я, мечтательно закрыв глаза.

Зря Ден против муравушки. Хорошая штука! Даже боль снимает!

По дороге домой купила в лавке по акции здоровенную связку бананов. Я и так-то еле ползла, но мы люди простые: видим акцию – хапаем!

Поэтому бананы, тридцать три раза проклятые, приехали ко мне домой и обрели временное пристанище на кухонном подоконнике.

Только успела я переодеться, как в дверь постучали.

«Только не петушок... только не петушок...» – мысленно взмолилась я, и за дверью действительно оказался не Аристарх.

Ден. Злой.

– Жу! Я запретил тебе принимать мураву!

– Мне было так плохо, что хоть в гроб ложись. Говорят, горбатого могила исправит. Недаром же слова «горб» и «гроб» состоят из одних звуков. Что-то общее у них есть... – угрюмо и без капли раскаяния пробормотала я.

– Тебе и сейчас нехорошо? – голос Дена с максимально строгого изменился на сочувствующий.

– Разваливаюсь, – призналась.

– Пустишь? Попробую снять тебе болевой синдром.

– Проходи. Извини, но еды нет. Только бананы.

– Ничего страшного. Поужинаю потом.

И снова на широком ложе в моей спальне творились чудеса: мне убирали боль! Частичка за частичкой – боль уходила!

– Теперь я согласен даже на банан! – заявил мой целитель, завершив с магией.

На кухне нас уже поджидали приключения.

Стоило мне схватиться за жёлтый мясистый банан, как Ден с криком меня оттолкнул, затем принялся лупить сначала бананом по всему, до чего дотянется, в том числе по себе.

– Есть! – и он салфеткой убрал с подоконника что-то тёмно-серое и раздавленное.

– Какое варварское нападение на бананы, – отметила я.

– Это был ядовитый паук. Проклятье... – Ден чуть пошатнулся, мотнул головой, отгоняя наваждение, прикоснулся пальцами к своей шее, а затем в него вселился бес: – А-а-а!!! Паук!!! Меня укусил ядовитый паук!!! – и слабеющим голосом: – Отсоси мне...

– Чего?! Сам себе отсасывай, извращенец!

– Жу... я умираю...

– От этого ещё никто не умирал.

– Яд из раны отсоси... – простонал он и выглядел при этом, как свеженький труп.

Упс...

– Извини. На плохое подумала. Я сейчас, – и присосалась к укусу на его шее.

– Сплюнь... – еле шевеля губами, произнёс он.

– Тьфу-тьфу-тьфу, – тут же выпалила я. – Не замечала раньше, что ты суеверный.

– Яд выплю... нель... – глаза у него закатились, а тело обмякло.

О-оу... А дело-то дрянь...

Глава 7.1

Меня слегка повело, и я хорошенько проплевалась над раковиной, потом прополоскала рот и тоже сплюнула. Перед глазами вроде бы прояснилось, ноги перестали подгибаться.

«Ну и дела, подруга. Представился шанс укокошить гада, а нельзя. Эх...» – не вовремя завела свою шарманку Вторая.
– Ден? – позвала я.

Он сидел на стуле, уронив голову на руки, и не реагировал на меня.

И тут до меня начало доходить: если он сейчас умрёт, не сносить мне головы. Меня казнят, как только станет известно о смерти принца. И разбираться не станут. Даже если я срочно побегу за врачом и Ден выживет, меня бросят за решётку до выяснения обстоятельств. Это, конечно, меньшее зло, но всё равно как-то не хочется чувствовать себя преступницей.

Если оставлю Дена у себя, на рассвете ко мне, как и в прошлый раз, нагрянет стража. В общем, один фиг схватят.
Засада.

Самое лучшее – спросить у Дена, что делать. А так как он в отключке...

Срочно надо принять какое-то решение, а я стою, смотрю на белого, как мел, Дена, и туплю. У меня паника!

Что делать-то? Как нейтрализовать яд?

Не придумав ничего лучше, я вновь припала к многострадальной шее принца, да так расстаралась, что оставила засос. Судя по вновь появившемуся головокружению и жжению во рту, часть яда из организма Дена я высосала. Вместе с кровью, ага. Как вампир.

Затем промыла ранку марганцовкой, как в детстве учила меня маман, и приложила лёд в мешочке.

– Ден? Ден, очнись, пожалуйста? Скажи, что мне сделать?

– Пь... ть...

– Что? Пить? Ага, сейчас... Воды? Тёплой? Холодной?

– Ть...

– Ясно! Тёплой! Секунду!

К счастью, глотал он сам. Я только вливала воду ему в рот трясущимися руками. Ну, ничего, половина жидкости попала по месту назначения.

– Умоляю, скажи, чем тебе помочь? Может, сбегать за врачом? – вопрошала я.

Божечки... Он даже моргал медленно! А уж каких усилий ему стоило пошевелить губами!

– Не... – он сглотнул. – М-м-м... От аллер...

– От аллергии? – уточнила я. – Тебе нужно средство от аллергии?

– Д...

– У меня есть! Есть даже сироп после укусов комаров. Надо?

– Угу...

Такими «угадайками» мы приняли всё антигистаминное, что нашлось у меня в закромах. Впервые я почувствовала, что моя весенняя аллергия на пыльцу – это не пустой чих, а нужное для спасения Дена обстоятельство. Потому что не будь у меня таблеток с сиропом, мой спаситель не начал бы приходить в себя.

– Я должен поспать, – его губы по-прежнему плохо шевелились, но выглядеть он стал не таким снежно-бледным, как полчаса назад.

– Здесь, внизу, неудобная оттоманка. Давай, взвалю тебя на свой горб и затащу наверх?

– Сам...

Ага, как же! Еле голову поднял.

Но Ден удивил и тут: встал без моей помощи. Правда, остальной путь проделал, имея мою тушку в качестве главной опоры.

А дальше у него начался бред. Не сивой кобылы, конечно, но тоже отборный.

– Жу, у нас ничего не получится... – шёпот, похожий на шелест бумаги, прозвучал для меня оглушительным приговором.

– Я подозревала, – ответила ему, а в моей голове рухнули все планы на полноценную жизнь с ровной спиной.

Как вдруг:

– Ты простая смертная, а я маг... – это он о чём? – Маг не может жениться на женщине без магии.

– Я думала, у нас чисто деловые отношения?

– Меня к тебе необъяснимо тянет... – судя по его закрытым глазам, он сейчас в бреду разговаривает с какой-то другой претенденткой на своё сердце. Уж явно не со мной.

– Мы что-нибудь придумаем. Завтра будет новый день, и тебе станет лучше. А хочешь, пирожков испеку? Или кофе утром? Только у меня кофемолка ручная, она дико скрипучая. Но кофе вкусный! – боже, что я несу!

– Ты чудо...

– Спасибо. Это я тебе обязана жизнью. Если бы не ты, лежать бы мне сейчас трупиком.

Да. Потому что, не оттолкни меня Ден, паук укусил бы вашу скромную рассказчицу.

И теперь мужчина из моих девичьих грёз в очередной раз засыпает в моей постели. Нравится мне такая тенденция, если не считать, что сон у него нездоровый.

Стоило бреду прекратиться, как начался озноб. Мне даже пришлось убрать от шеи Дена мешочек с подтаявшим льдом, потому что мой болезный сам стал наощупь как ледышка.

В общем, полночи я отогревала принца своим теплом, а когда нам обоим стало жарко, уползла на другой край кровати. Ибо объятия были исключительно в целебных целях. Я не финтифлюшка какая-нибудь, чтобы вешаться на мужика. У нас, повторяюсь, деловые отношения.

Остаток отведённого на сон времени я блаженно провела в царстве Морфея. Как и мой принц. Судя по ровному глу-

бокому дыханию Дена, ему стало лучше, организм справился с ядом.

Можно выдохнуть с облегчением. И спать!

А вот проснулась я от ощущения тяжести на своём горбу.

На мне явно кто-то лежал.

– Ы-ых! – попыталась я приподняться на руках, но тут же рухнула вниз. – Слезь с меня, окаянный! Ты, что, раздавить меня удумал?

– Жу? – приглушённый удивлённый возглас, и с меня, наконец, слезли.

От его объятий у меня сорочка на спине промокла насквозь. А у Дена то же самое с рубашкой на животе. Ой-й, как неловко. У меня всё тело покрылось мурашками от холода, пробежавшегося по мокрой ткани.

– А ты кого ожидал встретить в моей кровати? Прекрасную принцессу? – пошутила я, но как-то не смешно.

– Не помню, как сюда попал... – он сел и принялся растирать ладонями помятое лицо.

– Совсем ничего не помнишь? И как тебя банановый паук укусил тоже? – опустим причину его прихода ко мне, ни к чему все эти бессмысленные споры.

Ден залип на минуту, затем ме-е-едленно потянулся к шее, пощупал место укуса, поморщился и выдал:

– А. Удивительно, что я не умер. Чем ты меня поила?

Как впоследствии оказалось, ни одно из средств не могло нейтрализовать яд самого токсичного паука в мире. Дена

спасло чудо. Ну, и:

– Ты извини, я тебе там такой жирный засос поставила. Очень боялась, что ты умрёшь, – призналась я.

– Спасибо, – мой визави улыбнулся. – Получается, что именно твой засос спас меня, а моя магия справилась с оставшимися крохами яда.

– Ой! Мы же в академию опаздываем! – я подскочила на постели. – Меня уволят за прогул!

– Может, опоздаем на пару часов? Маменька тебя прикроет, разве нет? Я умираю с голоду...

Ну, как тут откажешь? Мы же вчера так ничего и не поели. Так как замешивать тесто было уже некогда, я достала из ледника блинчики с различными начинками от мяса до варёнки, погрела их на печи, и мы плотно позавтракали, смакуя каждый кусочек.

– Знаешь, я не жалею, что провёл ночь не в общежитии. Так вкусно я даже дома не завтракал. Дома у тебя уютно и пахнет ванилью с примесью... муравы! Жу, я же велел тебе избавиться от неё!

– Уй, чтоб тебя! – невольно вырвалось у меня. – У тебя на неё аллергия что ли? За что ты её так не любишь?

– Мурава не только снимает боль и улучшает настроение. Она ещё и дурманит рассудок. Как это вообще может нравиться? Жу, не расстраивай меня. Дурные привычки неспроста называются дурными.

– Тебе кажется. Здесь нет муравы, – заявила я.

– Чтобы я тебя со скруткой больше не видел!

– Угу.

– Жу? Обещай!

– Обещаю, что больше ты меня с скруткой не увидишь!

– хорошее обещание, такое обтекательное, то есть при желании его всегда можно обойти.

– Всё, не обижайся. Ты же понимаешь, что я желаю тебе только добра.

Во-о-от! Моя муравушка – это добро! Это такое всеобъемлющее добро, что некоторым ограниченным не понять.

– Угу, – слегка обиженно кивнула я.

– Жу? Всё, прекращай дуться. Я хотел сказать, что ты чудесная девушка, и в твоём доме мне уютно, как дома. Ты не против, чтобы на время терапии я пожил у тебя?

Против! Против, блин!!!

Глава 8. Тайна моего появления

В обед в библиотеку прибежала паучиха в растрёпанных чувствах и как давай на меня орать:

– Ты как посмела, юродивая?! Это... – она задыхалась от возмущения. – Это абсурд! Что ты с ним сделала, ведьма?! Да ты хоть знаешь, кто он?!

Знаю, на свою голову.

– В библиотеке принято соблюдать тишину, – вмешалась моя маман, но паучиха даже бровью не повела.

– В чём конкретно вы меня обвиняете? – поинтересовалась я, хотя уже догадалась. Видите ли, она заприметила нашее Дена здоровенный засос, который нескромно выглядывал из-за воротника, как его ни прикрывай.

– Ты-ы-ы! Приворожила его! Ден провёл с тобой ночь!

Как назло, возле библиотечной стойки столпились первокурсники и глазели на меня, как на чудо-юдо заморское. Но более всех на меня вылупилась маман.

Что сказать... Даже спорить со словами паучихи не буду. Что есть то есть. Поэтому я только развела руками, мол, былого не вернёшь.

На этом моя обвинительница покинула обитель знаний. Ушла со сцены.

А первокурсники остались.

Да начнётся клоунада!

Стоило студенческому гомону утихнуть, маман бочком-бочком подошла ко мне и грозно буркнула:

– Поговорим.

То есть это был не вопрос, а неизбежность.

– Прежде чем ты начнёшь распекать свою взрослую и независимую дочь, я тебе скажу: интима не было, Ден меня лечит от горба. Между нами исключительно деловые отношения.

– Спать с ним в одной постели – это тоже деловые отношения?

Ох, маман, ты ещё про его намерение переехать ко мне не в курсе. Но ничего. Так бывает. Сепарация от родителей – процесс непростой.

– Я сама решу, когда и с кем мне спать! – твёрдо заявила ей.

– Жупочка, ты заблуждаешься!

– Может, хватит лезть в мою жизнь?! – разозлилась я, и вдруг в горбу у меня что-то стрельнуло, будто какая-то жилка порвалась. Но боль я стерпела, лишь тихонько зашипела.

– Ты можешь думать, что я, старая, не понимаю тебя, но это не так, – каким-то очень подавленным голосом произнесла маман. Я её такой грустной ещё никогда не видела. – Я тоже никогда не была красавицей, поэтому, когда на меня обратил внимание молодой блистательный джентльмен, счастью моему не было предела, и я нырнула в него с головой. О, это был головокружительный роман! Мой возлюбленный

был красив, как бог, он был идеален во всём!

– Всегда подозревала, что я не Кириаковна.

– Кириак Вальдемарович был святой человек! Если бы не он... – маман пустила слезу. – Он поступил как благороднейший из благородных. Да будут добры к нему небеса!

– Как звали моего кровного отца?

– Таери. Но я уверена, что это не его настоящее имя. После его исчезновения я бросилась на поиски, а когда напала на след, узнала, что в новом городе он назвался Джонатаном.

– Может, ты нашла кого-то похожего?

– О, нет, – покачала головой родительница. – У него были очень примечательные яркие волосы рыжевато-золотистого оттенка, они будто светились изнутри. Таких... ни у кого больше не было.

– Может, он их красил?

– Нет. Точно нет.

– Знаешь, почему он сбежал?

– Потому что бабник, – горькая усмешка. – За день до своего побега он осыпал меня ласками и признаниями в любви, а потом, когда я нашла его в столице, увидела, как он с такой же нежностью и обожанием смотрит на шикарно разодетую девушку, обнимая её при этом за талию.

– Он знал, что ты забеременела?

– Нет! – мама раздражённо дёрнула плечами. – Когда я после долгих поисков нашла его, то поняла, что попросту не нужна ему.

– Ничего не понимаю... Зачем тогда ему нужна была ты? Что-то тут не сходится.

Давай, Жупочка, думай! Не зря же ты тонну любовных романов и детективов перечитала!

«Ой, а папашка-то наш непростой! Сейчас ещё выяснится, что мы незаконнорожденные принцессы! Ха! Вот будет потеха!» – веселилась Вторая.

Маман продолжила рассказ:

– Когда мы впервые встретились, он сидел пьяный и убитый горем. Я тогда работала подавальщицей в таверне, и после смены сжалилась над бедолагой и утащила его к себе домой. Так между нами и закрутился роман.

Мне тут же вспомнилось, как я треснула Дена сковородкой и тоже уволокла его к себе. Не хочется проводить аналогию, но она сама напрашивается.

– Ладно. Допустим, что ты просто подвернулась ему под руку и покорила своей добротой. Но можно же было предохраняться во избежание последствий!

– Таери с первого дня дал понять, что у нас всё серьёзно. Он настоял, чтобы я уволилась с работы, купил мне красивых платьев, украшений, перевёз меня в съёмный дом... С ним сбывались все мои мечты! Для девицы из захолустья это словно другой, лучший, мир. И мне безумно хотелось стать его частью.

Ой, и мысли про «стать частью его мира» такие знакомые...

– Сколько длился ваш роман?

– Три месяца. Я тогда казалась себе красивой – настолько затуманен был мой взгляд. Я верила, что попала в сказку. Увы, она вскоре резко закончилась. Однажды утром я проснулась в постели одна и меня тут же схватила стража. А Таери нигде не было... Хозяйка дома, которая ещё пару дней назад мило улыбалась нам, обвинила меня в незаконном проникновении в её дом, и меня выставили на улицу в одной сорочке. В октябрьский холод!

– Это бесчеловечно!

Ух, так бы и оттащила эту продажную бабу за волосы!

– И в высшей степени странно! – заметила маман. – Потому что хозяйка дома плакала, когда наговаривала на меня, будто её кто-то заставил это сделать. Одно хорошо: стражники тут же потеряли ко мне интерес.

– Вещи тебе не вернули?

– Нет. Мне не хватило духу вернуться в тот дом и забрать их. Я вообще собиралась прыгнуть с моста и утопиться. Вот тут-то меня и спас граф Шишин.

– Таери больше не появлялся?

– Однажды я встретила Гарри, владельца таверны, в которой когда-то работала. Он рассказал, что обо мне спрашивал какой-то тип с яркой шевелюрой. Гарри ответил, что я вышла замуж и счастлива. И всё. Больше я о нём ничего не слышала.

– Ясно, – кивнула я, хотя толком ничего было не ясно. –

Вот ещё чего не могу понять: почему мне не передалось ни капли папашкиной божественной красоты?

Матушка не ответила, так как в библиотеку снова пришли посетители.

Рассуждения продолжились в моей голове.

Догадка номер один: папаша не знает о моём рождении. Догадываться, конечно, может, но, раз до сих пор меня не нашёл, значит, я ему не очень-то и нужна.

Догадка номер два: он из знатного рода, посему ваша рассказчица – банально бастард, плод забавы юной.

Может, и хорошо, что я вслед за мамой выучилась в институте. Всё-таки работать библиотекарем приятнее, чем разносить пиво и вытирать грязные столы. Да и начитанные мозги не позволят мне вступить в ту же яму, что и маман.

И всё же папаша зачем-то искал маму спустя время. Интересно, зачем?

Уф-ф, как же я хочу разгадать эту загадку!

«Фьюить!» – опять это голубое облачко.

Так, а о чём я сейчас думала? О желании разгадать загадку! О желании...

Ёпрст! Кто-то записывает мои мысленные желания? Я же тьму всего назагадывала! И про Дена, и про исцеление, и про двух мужиков, и про... Да ну на фиг!

Хотя... Чего я так испугалась? Свист голубого облачка ещё не значит, что желания исполнятся. Но впредь буду осторожнее.

Вечером после работы меня подкараулил Его Высочество принц собственной персоной.

– Жу? Ну что, ты подумала над моим предложением о переезде?

Вот он, тот самый вопрос, над которым я размышляла полдня. Признаюсь, история мамы заставила меня по-иному взглянуть на ситуацию.

Де, Ден идеально благородный, красивый, воспитанный и целеустремлённый. А ещё он не брезгует находиться рядом со мной.

Но, судя по маминому рассказу, мой нерадивый папаша был точь-в-точь таким же. И это слишком подозрительное совпадение.

Я не дам себя обмануть!

Решено: наши отношения останутся строго в рамках деловых.

– Подумала, – ответила ему. – Считаю, что нам пока не стоит жить под одной крышей.

– Жу... Ты. Мне. Отказываешь?

– Да.

– Почему?

– Потому что вчера вечером в бреду ты говорил про отношения другого характера. Пойми меня правильно: ты исключительно мой доктор, а я твой подопытный пациент, и тебя не должно ко мне тянуть как к женщине, потому что я

тебе не диковинная игрушка для развлечений, – ух, я смелая. Сказала-таки правду ему в лицо. Чётко. По делу. А у самой колени дрожат и ладони взмокли. До кучи ещё в туалет захотелось. Со страху.

Ден потемнел лицом. А может, мне это лишь показалось. Под фонарём, в резком перепаде света и тени, не особо разглядишь.

– Я тебя понял.

– Если решишь прекратить эксперимент, я пойму.

– Запомни: только смерть способна заставить меня отменить начатое. Жу, хочу, чтобы ты знала: я вижу тебя другой.

– Какой же? – меня заинтриговали его слова.

– Красивой. И душой, и телом. И это правда. Я верю, что в тебе таятся такие сокровища, о которых ты и сама не знаешь.

Или знаю. Например, о том, что мой папаша маг из какого-то знатного рода.

Ну-с, мне будет о чём подумать на досуге. Пришло время отчаливать.

– Что ж, спасибо за понимание и за добрые слова. Мне пора домой. Пока! – и я сделала шаг прочь, чтобы скорее сбежать от нависшего над нами чувства неловкости.

– Поймать тебе экипаж?

– Нет. Пешком пройду, – не то чтобы мне с больной спиной хотелось топать домой ногами, просто денег на проезд не было. Кое-кто выбросил муравушку, которая была приготовлена для скруток. Как итог: мне пока нечего нести в Об-

менный переулочек. Наверняка заказчики страдают без самого лучшего «смака» в городе. Если повезёт, я отнесу свежую партию в пятницу во время обеда. Потому что выходные могут быть заняты.

– Проводить?

– В этом нет необходимости. К тому же мне хочется побыть наедине с собой, – призналась честно.

В туалет, блин, хочу!

Самой не верится, что я только что отбрила мужчину своей мечты. Впрочем, кто он и кто я? Я горбунья, которая всю жизнь будет жалеть о том, что отказала принцу. И до конца дней меня будет мучить вопрос: а что было бы, если бы?..

Глава 9. А это точно лечение?

После душа я впервые в жизни долго разглядывала себя в зеркале.

Что имел в виду Ден, когда говорил, что видит меня красивой? Где эта красота? В тёмно-серых глазах? Ха! Левый глаз у меня косит. То ещё очарование!

Мне показалось, или косоглазие стало менее выраженным? Реально, в некоторых положениях глаза выглядят нормальными. Может, это лечение Дена так действует?

Я распустила пучок на голове. Серые мышинные волосёнки тоже вряд ли можно назвать моей гордостью. Разве что одна отцова золотистая прядь всё же проклюнулась спустя столько лет. Погодите-ка... О! Ещё одна над виском! Да быть не может! Её ещё вчера не было. Я, что, меняюсь?

А Дена влечёт ко мне, потому что он видит ту меня, какой я стану после лечения?

Дела...

Будем реалистами: даже если Ден меня исцелит, и я зарасту золотистой гривой, красавицей мне всё равно не быть. Я вообще на маменьку похожа. Ну, была, во всяком случае, до того, как похудела.

Схуднула я, надо сказать, знатно. Пузик ушло к другой фанатке вкусняшек. А моя грудь, хоть и малость сдулась, но и печально свисать перестала, потому что спина чуть выпря-

милась.

В моём по-прежнему уродливом облике появились первые признаки женственности. Или я наиглупейшим образом влюбилась в Дена и смотрю на себя сквозь розовые очки, как маман когда-то? Да не, я не из таких. Я ещё ни разу в жизни в реального человека не влюблялась и не собираюсь, ибо забочусь о своём сердечке. Плакат с Аполло в туалете не в счёт. Кстати, сдеру-ка я его к чёртовой бабушке, ибо уже не актуально.

Теперь перейдём к насущному. Кто позаботится о моей зелени, если не я? Моя травушка-муравушка потому и лучшая в городе, что выращена с любовью!

Поэтому я вместо ужина спустилась в подвал и посвятила час своей жизни природе. Даже о больной спине забыла. Вот, правильно говорят, что человек, чтобы быть счастливым, должен заниматься любимым делом. Я и занималась! И даже не думала о всяких там глупостях типа любви.

Вообще, я многого в этой жизни лишена. Даже такой простой вещи, как поспать на спине. Вроде мелочь, а я прямо-таки мечтаю испытать, как это.

«Фьюить!» – на этот раз я попробовала схватить голубое облачко рукой, но оно неуловимо просочилось сквозь мои пальцы. Как будто воздух ловила...

А наутро... Я проснулась с дикой болью в плечах, потому что каким-то чудом спала на спине! А-а-а! Шея – сплошной оголённый нерв! Повернёшь на миллиметр в сторону – схло-

почешь болевой шок.

«Ну, спасибо, облачко!» – проворчала я, соскребая себя с кровати и умирающе постанывая.

Уже потом, сквозь слёзы боли начищая зубы, я поняла: а желания-то сбываются!

Похоже, Ден ошибался по поводу невозродимости моей магии. У меня определённо неопределённый дар, уж простите за тавтологию. Я сбываю свои желания!

Почему я так в этом уверена?

Да потому что Ден караулил меня у дверей библиотеки перед началом рабочего дня! Стоило ему меня увидеть, как взгляд стал умоляюще-щеничьим, каким-то даже малость неадекватным.

Паучиха была недалеко от истины, когда обвинила меня в ведьмовстве.

Не мог самый красивый мужчина на свете влюбиться в уродину. Мы с ним словно персонажи сказки «Красавец и чудовище». И, нет, я не наговариваю на себя.

Я упоминала, что у меня старушечья походка? Такая вперевалочку, прихрамывающая. Так вот, теперь представьте, как на это безобразие можно смотреть влюблённым взглядом? Не получается? И у меня тоже нет.

А Ден смотрел.

– И не спится тебе в такую рань, – вместо приветствия заговорила я.

– Я жаворонок. Самодисциплина – моё второе я, – по-де-

ловому серьёзно ответил он, и у меня немного отлегло от сердца. Может, его щенячий взгляд приблизился мне?

– Ага. Значит, пришёл меня пытаться?

– Не стоит относиться к лечению, как к пытке. Негативное самовнушение может снизить результаты.

– Это была шутка, – закатила я глаза.

– Даже в шутку не стоит говорить про пытки, Жу.

Кажется, в коридоре стало душно. Да, точно, кто-то высосал весь воздух! Кто бы это мог быть?

Мне, признаюсь, и одного душнели Аристарха хватает, а тут ещё излишне правильный Ден. Аж тошно, честное слово!

Я нервно заворочала ключом в замочной скважине и, наконец, открыла академическую библиотеку.

До начала рабочего дня ещё минут двадцать, так что есть время настроиться на труд.

Маман предупредила, что с утра пойдёт на медосмотр в поликлинику, поэтому мы с Деном остались наедине в прохладном и мрачном книгохранилище.

– Жу, сейчас я попробую убрать тебе ещё одну спайку. Твоя спина только и ждёт, чтобы распрямиться.

– Может, подождать до выходных? – испуганно попросила я. Бояться было чего. Всё-таки боль мешает работать. Тут ещё моя многострадальная шея...

О! Она каким-то чудом перестала болеть! Ура!

– Выходные у нас и без того заняты.

– Чем же?

– Положу тебя на растяжку.

– Это как?

– Увидишь.

– А на личную жизнь у меня время останется?

– Какую ещё личную жизнь? – клянусь, в глазах Дена на мгновение полыхнул огонь ярости.

– Доктор, ваш пациент, скорее, жив, чем мёртв. Стоит ли удивляться, что пациент ведёт активный образ жизни?

– Извини. Мне не терпится как можно скорее увидеть тебя здоровой, – и потупил прекрасные голубые глазки.

– Не гони коней. Человек должен меняться постепенно.

– Ладно. Постараюсь, – Ден помог мне расстегнуть и спустить до бёдер платье, а я не могла отделаться от мысли, что он прикасается ко мне не как к пациентке, а как к женщине. Слишком уж надолго подушечки его пальцев задерживаются на моей коже и совершают вовсе не профессионально-ограниченные микродвижения.

А потом он меня оγοрошил:

– Сними лиф.

– Это ещё зачем?!

– Так надо. Поток энергии пойдут через грудную клетку.

Ни один мужчина ещё никогда не мацал мои молочные железы. Маммолог не в счёт. Даже Акакий Фридрихович не успел.

Зато Ден... Повернул меня к себе спиной, как-то слишком интимно заставил опереться ладонями на стол и прижался

ко мне сзади.

«Ах, ты ж кобе-е-ель!» – прошипела Вторая, и я даже спорить с ней не стала.

– Готова? – поинтересовался, пристроив ладони туда, где по идее должен быть бюстье.

– Нет! – со злой нерешительностью выпалила я.

– Начали! – скомандовал. – Не дёргайся.

В меня полилось волнующее тепло, концентрируясь почему-то внизу живота.

– Ден?

– Тихо, терпи! – очередная команда.

И я терпела, хотя ощущения были, скорее, приятными. Это походило на то, как будто в моём мочевом пузыре скопилась не моча, а нечто другое, эфемерное, грозящее взорваться. Но если оно взорвётся, то что будет-то? Я, конечно, много книжек прочитала с эротическими сценами, так что в курсе про такого зверя, как оргазм, но у нас же не интим!

Божечки, что со мной?

– Ден, стой! – взмолилась я, понимая, что вот-вот сосуд внизу живота, наполненный чем-то приятно-волнующим, лопнет. Я пыхтела изо всех сил, сдерживая этот взрыв.

– Ещё немного, Жу... – на этот раз его голос прозвучал то ли томно, то ли утомлённо. Фиг поймёшь.

«Пуньк!» – где-то в неправильном изгибе моего позвоночника что-то оборвалось, а следом за этим чуть болезненным ощущением меня сотрясли судороги, но не те, что бывают,

когда тонешь, а какие-то... непонятные.

– Ой, что это... – только и сумела простонать я, теряя опору в ногах и оседая на пол.

– Всё. На сегодня всё, – сел рядом Ден.

– Что это было?

– Это была прокачка канала твоей женственности. Магическая опухоль блокирует многие системы твоего организма. Мы сделали ещё один крохотный шагок к твоему исцелению.

– С-спасибо... – поблагодарила я и, наконец, сообразив, что сверкаю перед принцем голыми сиськами, прикрыла грудь.

– Теперь возвращаем бюстье и надеваем утяжку.

– Не-е-ет... Опя-я-ять?

– Я делю ощущения с тобой пополам, не забывай.

– Все-все? – удивилась я.

– А как иначе я отслеживал бы

твое состояние? Конечно, лучше бы я наблюдал тебя воочию, но ты сама не пустила меня к себе жить, – не забыл припомнить он.

Ёпрст... Это, получается, прячься-не прячься, а он всё равно узнает, что я смаковала муравушку? Ну, бли-и-ин!

Придётся потерпеть несколько месяцев ради благой цели. Так уж и быть.

– Ой, похоже, ты что-то пролил на себя, – заметила я влажное пятно у Дена в паховой области.

– Переоденусь в общаге, – он прикрыл несовершенство
полой удлинённого светлого пиджака. – Сегодня мы убрали
тебе ещё одну спайку, так что болеть в спине должно меньше.
Через пять часов сниму корректор осанки.

– Мне уже больно, – пожаловалась ему.

– Понимаю. Не переживай. Ты большая умница. Такими
темпами к августу ты будешь полностью здорова. Мы со всем
справимся, – и вдруг он обнял и поцеловал меня в висок.

Эт-то что такое было?

Глава 10. Лингвистическая

Я ещё никогда не чувствовала себя такой... прямой. Или, точнее сказать, разогнутой. Спина нескончаемо ныла и просила вернуть её в прежнее положение, но я, к счастью, принимаю решения головой.

И голова эта, помимо вопросов телесного здоровья, всерьёз озабочена моим финансовым состоянием. А посему в пятницу на обеде я вперевалочку потрусила в Обменный переулок сбывать товар. Я ж не жадная: если мне нельзя просмаковать скрутку, то хоть других обеспечу муравушкой.

Прощелыги самого бандитского места в городе со знанием дела расступались при виде меня в стороны. Ибо в лавку едет товар люксового качества, и украсть его у меня по дороге – значит, уничтожить золотую жилу всех местных кайфоловов.

Гун, которому я сбываю мураву, как-то обмолвился, что мои скрутки смакуют даже в столичном дворце. Уж не знаю, бравада или правда.

Одно радует: на грязных вонючих улочках Обменного переулка меня никто не помышляет обворовать или убить.

Вот как меняет мир культ великого Муравного бога.

Зато на обратном пути, когда я грела в нагрудном кармане свои кровные пару золотых, меня окликнул изрядно «ароматный» бомж.

– Эй, красавица! Есть десяток медяков на спасение моей несчастной жизни?

Я скептически глянула на беззубое создание в сразу трёх надетых друг на друга куртках.

– И от чего же вы спасаетесь?

– От бессмысленности, красавица. От бессмысленности... – философски изрёк он.

– Получается? – и зачем я говорю с ним?

– Вы знаете, я известный в этом городе панфурье... Ик! Простите, фунфурье.

– Да? И что же вы фунфурите? – спрашиваю, хотя его свекольного цвета нос и так говорит сам за себя.

Батюшки! Балдею от неологизмов! Фунфурье! Какая стилистическая окраска слова! Браво уличным творцам!

– Алкоголь уже не тот, что раньше! В моей молодости в винах был целый букет вкусов, а теперь... куда ни глянь, сплошная бормотуха.

– И не говорите, – поддакнула я, а про себя подумала: «Вкусовые рецепторы атрофировались от запоя длиною в жизнь, вот и невкусно».

Вдруг я обнаружила, что у нашей беседы появились слушатели: два коллеги нашего фунфурье, только менее потрёпанного вида.

Один икнул. Другой выложил изо рта дымящуюся цыгарку и произнёс: «Хек». Причём тут рыба хек, я не поняла, ну да разбираться было некогда.

Обед-то на исходе!

– Все просьбы и предложения к Гуну! – озвучила я во избежание нападения на меня и припустила как могла. Всё-таки Гун – криминальный авторитет, и его партнёров никто не смеет прессовать, иначе всем несдобровать. Как говорится, не кусай титю, которая тебя кормит.

По пути размышления одолевали меня. Интересно складывается жизнь: то с бомжами веду праздные беседы, то устраиваю непонятные действия с принцем... На чью сторону меня в конце концов перетянет?

Я выбираю принца. От него хотя бы пахнет здоровым чистоплотным мужчиной, а не бормотухой, прошедшей через пищевой тракт и осевшей на одежде.

Помимо принца, я выбрала себе пальто яркого шафранового цвета. Оно прям бросилось мне в глаза, когда я пробежала мимо торговых лавок. На солнце пальто сверкало золотой монетой, столько и стоило.

Дорого, конечно, но себя надо любить и радовать, поэтому наспех примеренное пальто стало моим. Мой поРАДок самой себе. Ибо я достойна!

С обеда, который я успешно съела по пути с Обменного переулка в академию, меня встречал Ден. Стоял у парадного входа и нервно притопывал ногой.

– Жу! Ты где была? В библиотеку. Срочно, – и зашагал широкими шагами туда, где мы по утрам занимаемся обна-

жением и переодеванием меня.

Я, и без того утомлённая променадом, вусмерть запыхалась, пока доковыляла до библиотеки.

– Что за спешка?

– Я срочно уезжаю в столицу, – мрачно ответил он и как-то обречённо посмотрел на меня.

– Оу... Надолго?

– Не знаю. Я вернусь. Обещаю, – выглядел Ден неподдельно расстроенным, но не дал мне напоследок налюбоваться своей блистательной красотой и развернул меня к себе спиной.

– Воздержись от обещаний. Ты мне ничем не обязан. Я даже не знаю твоего настоящего имени.

Права была маман. Ох, как права. Хорошо, что я притормозила сближение с Деном, иначе плакать бы мне сейчас осенним ливнем.

– Я еду не по своей воле, Жу. И забрал бы тебя с собой, но это может быть опасно.

– Береги себя, – я само спокойствие. – Я всё понимаю, можешь не объяснять.

– Моё настоящее имя Гедеон Дюпрэ, – пристальный взгляд мне в глаза. – Прошу, пусть это останется между нами.

– Ладно, – кивнула ему.

– Корректор осанки я тебе оставляю. Со временем нужно будет подтянуть ремни, и желательно, чтобы кто-нибудь по-

могал тебе его надеть.

– Спасибо, Ден.

– Мне пора. Я вернусь сразу, как только смогу, – снова пообещал он и вылетел прочь.

До самого дома я терпела, чтобы всласть прореветься.

Увы, меня ждал облом.

– Жупочка! – на крыльце моего дома тонкой тростиной торчал Аристарх. – Чего так долго? Я весь замёрз ждать тебя! Не лето же!

– Ты адресом ошибся, – буркнула я, намереваясь оставить незваного гостя голодным и не обогретым.

– У меня потрясающая новость! – не заметил он моего упаднического настроения. – Завтра я участвую в поэтических чтениях! Ты тоже должна прийти и поддержать меня!

– С какой стати?

– А с такой, что старый друг дороже новых двух! Смоется твой смазливый блондинчик, а я-то останусь, – он поднял указательный палец вверх.

Бывает, ткнёшь перстом в небо и попадёшь по цели. Сегодня болтовня Аристарха вышла пророческой, поэтому я возьми и пусти козла на свою кухню.

– Для меня жизненно важен этот вечер! Я тут узнал, что Ладимир Зарницын закрутил роман с актрисой камерного театра, а значит, у меня будет шанс наладить контакт с Данутой. Я прочту свои лучшие стихи!

– Ты же знаешь, что я скептически отношусь к твоим попыткам покорить сердце золотой девочки, – напомнила ему.

– Сердцу не прикажешь.

– Аристарх, разуй глаза! Она никогда не влюбится в пай-мальчика! В её вкусе бессердечные, как и она, богатенькие козлы. Ты тут пролетаешь по всем пунктам.

– А вот и не по всем! – дерзко сверкнул глазами друг. – И вообще, я не понял, а где пироги?

– Ишь, оголтелый! Пироги ему подавай!

– «Оголтелый» – это просторечное слово.

– Ну, так и мы с тобой не аристократы. Может, мне просто слово нравится? Звучит красиво: оголтелый – это тот, у кого оголённое тело.

– Эй! Жупочка, ты же графиня!

– Графиня – вода из графина, – передразнила его. – Титул в моём случае – это пустой звук. Так только, слабенькая привилегия, пригодившаяся мне единожды при приёме на работу.

– Кстати, «графиня» и «графин», несмотря на созвучие, произошли от разных терминов. Хотя есть теория, что корень «граф» одновременно обозначает сосуд для жидкости, который всегда был при короле, как и его спутник, которого и прозвали графом. Так что слова связаны, – завёл лингвистическую речь Аристарх.

– Не вижу связи... – пожала я плечами.

– Потому что культуролог – это не лингвист. Ты не пости-

гала глубины языка, а я учёный.

– Ты-то? Ты работаешь лаборантом! – правду говоря, Аристарх у себя на работе – общепризнанный чудик благодаря своим нестандартным размышлениям.

– Это не умаляет моих познаний. Ты, между прочим, тоже экскурсии по дворцу в Маскау не водишь.

– Меня устраивает и библиотека. Так что там с глубиной твоего языка? – перевела я тему, исключительно чтобы мой друг озвучил какую-нибудь потешную дичь.

И он не замедлил оправдать мои ожидания:

– Ты знала, что слова «церковь» и «морковь» – родственные? Они объединены одним сакральным значением, – про-свещал меня Аристарх.

– Да? И каким же?

– На тактильном уровне. Вот погляди на форму колоколь-ни, – окно кухни как раз смотрит туда, откуда хорошо про-глядывался освещённый вечерними огнями храм.

– Ну? – признаться, мне крайне лень было поворачивать голову в ту сторону.

– Ну! – передразнил Аристарх. – Баранки гну! Культуро-лог из тебя, конечно, так себе. Как тебя ещё библиотека-рем-то взяли... – он страдальчески вознёс руки к небу.

Но меня вот такими оскорблениями не проймёшь. Стре-ляная ворона. Летали, видали мы таких петухов.

– И чем же твоя морковь отличилась? – спрашиваю на-игранно благостно.

– Да не моя, а вообще! – сердито воскликнул Аристарх.
– Я тебе о святых вещах говорю, а у тебя все шуточки ниже пояса.

– ТАК С МОРКОВКОЙ-ТО ЧТО???

– Что-что! Ты не видишь, что ли? Слепая? Форма у них одинаковая!

Похоже, это не у меня со зрением проблемы. Если бы колокольни строили по образу и подобию моркови, то были бы у нас ямы, так как морковь, при всём к ней уважении, – это корнеплод.

Как бы так аккуратненько ткнуть Аристарха в каку, чтобы он завизжал резаным поросёнком? Нравится мне выводить сына маминой подружки на неприкрытые эмоции.

– Скажи мне, друг мой мозговитый, почему колокольни не оранжевого цвета? Или, например, не растут вниз? А может, колокольни строятся в честь кормовой морковки? Или репы? Типа, молитесь длани, вас кормящей, скоты! Да, и ещё церковные просвирки в форме коровьих лепёшек. И, раз уж церковь в форме репы, то почему мы не зовём её черепой?

– А ты не передёргивай с больной головы на здоровую! – распетушился он.

– Я всего лишь рассуждаю. Логику выстраиваю. А посему выходит что?

– Что?

– Слова «обед» и «обет» – тоже родственные! – добила его я.

– А-а-а! – совсем заагрился он. – Тебя пора врагом роисского народа объявлять!

– А ещё есть «падаван» и «подавальщица». Как тебе такое, лингвист ты наш? Или «Гова», «говеть» и «говно»? А уж если углубиться в этимологию слова «сретение»...

– Ой, всё!

Глава 10.1

«Всё»? Аристарх сказал «всё»? Ха!

В меня будто вселился демон!

– Нет, дружочек мой, я ещё только начала! Раз ты утверждаешь, что у похожих по звучанию слов сакральные смыслы совпадают, то давай разовьём мысль! Возьмём, например, столь замечательную и заглядывающую мне в окно «церковь» и «цирк».

– О-о-о... – кажется, моему светилу науки поплохело.

– Ты дослушай сначала! У меня убойные аргументы! Так вот, начнём с формы: круг. Цирк по циркулю и церковная площадь у нас тоже круглая. Так ведь?

– Ну, допустим, – нехотя согласился он.

– Подставки для свечей какой формы?

– Ну, круг.

– Во-о-от!

– Потолочные своды?

– Мы оба знаем ответ.

– Ладно, с кругами разобрались. Дальше: костюмы!

– Жу-у-упа-а-а!

– А что Жупа? Вон, у нашего батюшки ряса вся золотом да камнями расшита! Натуральный арлекин!

– Не боишься, что тебе ответочка прилетит от Говы за такое?

– Пф! Типа это была его идея разрядить священнослужителей в золото, купленное на налоги граждан? Уверена, что он до кучи в обиде на людей за то, что они назвали его Говой. Ты только вслушайся: Гова! Как «говно». А уж словечко «говеть»... Велик и неблагозвучен наш роисский язык! Это я тебе как обладательница самого жуткого имени говорю!

– По острому лезвию ходишь. Стоит оступиться, и тебя разрубит пополам, – пригрозил мой кровожадный лингвист. И дополнил словами своей маменьки: – Все мы под богом ходим. Лучше не наговаривать на Гову во избежание беды.

– А я не наговариваю. Я по факту говорю.

– М-да. Пожалуй, я пересмотрю свою теорию сакральных смыслов, – процедил Аристарх. – Ты способна извратить любые умозаключения.

– Эх, воцИрковлённый мой друг! Церковь – это чистой воды цирк, только на государственном уровне. Гове до наших местечковых страстей и дела нет, а ты боишься ляпнуть лишнего! Сам подумай, стал бы бог терпеть попов-колобков, вещающих горожанам об умеренности желаний? Нет, дружок мой. Задумайся над этим на досуге. Ограниченность мышления тебя не красит.

– А тебя вообще ничего не красит! Даже рядом стоящий красавчик-блондин! – в сердцах выпалил Аристарх. – Кстати, что-то его не видать. Неужели нашёл более экзотический экземпляр, чем ты?

Оу, а у него тоже зубы имеются! Бьёт словами по больно-

му. З-з-зараза!

– Вот это уже было обидно, – теперь я разозлилась по-настоящему. – Поди-ка ты вон отсюда!

– А что такого я сказал?

– Вон! – указала ему пальцем на дверь.

– Жупа! А как же завтрашний вечер?

– Иди пресмыкайся перед своей Данутой один, а меня больше не смей позорить! – неудовлетворённость прошедшим днём, наконец, выплеснулась наружу, и я постыдно разревелась.

– Эй, ты чего это?

– Вали на фиг!

– А как же помочь мне со стихами?

– Какими к чёрту стихами?! – меня понесло. – В которых ты воспеваешь Дануту и унижаешь меня?

– Это только образы...

Я вооружилась кухонной метлой и треснула гостю по загривку.

– А ну, на выход!

– Ай, совсем сдурела, горбатая? – он встал и ретировался к выходу из кухни.

– Я-то хотя бы горбатая, а ты дуралей! Твоя Данута выбирает богатых, красивых и хорошо одетых мужиков! На тебя она не посмотрит ни-ко-гда! – выпалила я ему в харю.

– Ах, так? Вот и оставайся одна!

До него, наконец, дошло, что пора отчаливать, и он, пя-

таясь спиной вперёд, ушёл.

А я... Вспомнила, что хотела пореветь всласть, с подвываниями и взхлёб. И как пошло-поехало! Я слонялась от стены к стене и звала:

– Де-е-е-ен... На кого же ты меня покинул, белобрысость ты окаянная! У-у-у!

После часа-другого вроде даже полегчало. Во всяком случае, уснула я мгновенно.

Зато утром мне стало стыдно, что прогнала Аристарха. Да, он чудик и порой путает берега, но всё же он мой друг, и другого у меня нет. От его корявеньких стихов мой горб не станет ни больше, ни меньше. Да что со мной вообще станется? Ну, и пусть люди смотрят на меня, как на несчастную влюблённую! В общем-то, так и есть, только объект моих вздыханий другой.

Аристарх был прав: он единственный ровесник, кто общался со мной всю мою жизнь. Мы два отщепенца общества и должны друг друга поддерживать. Поэтому я заявила на вечер в своём новом шафрановом пальто.

Увиденное повергло меня в шок.

Аристарх переоделся! Я сходу определила закос под ковбоя: ботинки с загнутыми вверх носками а-ля ноги-носороги, потёртая ковбойская шляпа (явно из комиссионки), коричневая рубаха (тоже не новая) с висючками на рукавах и спине, узкие джинсы с большой блестящей пряжкой на ремне. Объёмная рубаха не по размеру и штаны, подчёркиваю-

щие немужественную худобу моего друга, делали его похожим на леденец на палочке. Коричневый. Если уж совсем честно, то Аристарх выглядел, как говно на палочке.

– Явилась? – надменно, свысока поглядел он на меня. –
Смотри не влюбись... повторно.

Божечки, я сейчас грохнусь в обморок... от такой неземной любви!

Глава 11. Поэтический вечер

Признаюсь, мне даже жаль Аристарха.

«Смотри не влюбись... повторно», – сдался ты мне, как мигающая гирлянда эпилептику!

Я, конечно, та ещё терпила, но чтобы влюбиться в такое... в такого... Смех!

Аристарх держался с достоинством ошипанного петуха, то есть подбородок задран, а в глазах отчаяние. Ибо Данута смотрела только на Ладимира Зарницына, который нежно наглаживал ручку черноокой кучерявой южанке.

Надо сказать, музу Зарницын выбрал себе шикарную: смело одетую, в меру весёлую и загадочную. Хороша! Красивая, юная, но уже достаточно созревшая, чтобы не вести себя, как дура. Тонкая и одновременно фигуристая. Идеал мужчины.

Будь я мужиком, тоже бы в такую влюбилась.

Зато лицо Дануты побелело, губы сжались, а пальцы намертво вцепились в ремешок сумочки. Держу пари, что на месте ремешка Данута представляла шею черноокой прелестницы своего не завоёванного возлюбленного.

Интересно, чем Ладимиру не угодила наша мадам Шёлкина?

– Кхе-кхем! – прочистил горло Аристарх и натурально петушиной походкой подошёл к своей зазнобе. – Прекрасный

сегодня день. Не так ли?

Да уж, прекрасней некуда. Данута только что узнала, что у мужика её мечты другая муза. Весь её мирок только что рухнул. А тут какой-то дебил пишит о прекрасном.

Мда.

Как называется чувство, когда косячит кто-то другой, а стыдно мне?

Я прикрыла лицо ладонью. Всё. Вырубайте свет, распускайте гостей. Это провал.

Данута скривила бледное личико, будто съела кислую виноградину, и изрекла глубокомысленное:

– Да ну...

– Вы моя муза, Данута, – не понял намёка Аристарх. – Ваш облик отпечатан на сердце моём...

– Пф! – тут я засомневалась, умеет ли наша мадам Шёлкина членораздельно говорить?

Пока что я стояла в сторонке, не спеша снимать с себя яркое солнечное пальто, и просто наблюдала.

Тем временем к парочке присоединилось третье действующее лицо мужского пола. Это был невысокий, но хорошо сложенный, по-пижонски одетый мужичок лет тридцати пяти. Весь его вид говорил, что он гуру в общении с дамами.

– Вижу, прекрасной леди докучают надоедливые насекомые? – обратился мужик к Дануте, и та мгновенно убрала с личика кислую мину и расцвела. – Разрешите представиться: Ипатий.

Аристарх раскрыл рот, но не проронил ни звука, даже не застрекотал, как это делают некоторые насекомые.

А события набирали оборот:

– Ипатий... – сладко повторила наша белокурая прелестница.

– Ипатий Вагин. Искатель и открыватель юных дарований.

«А ещё откупориватель кой-чего другого», – усмехнулась Вторая и оказалась права.

Данута поглядела на нового знакомого, как на богоявление, готовая прямо тут открыться Ипатию и отдаться без остатка.

– Могу я узнать ваше имя, прекрасное создание? – любезно поинтересовался Ипатий.

– Данута...

– Да-ну-та, – он просмаковал каждый слог. – Чудесно! Разрешите мне занять место рядом с вами?

– С удовольствием... – кажется, наш сахарок начал подтаивать.

Аристарх завис и стоял как вкопанный, пока сладкая парочка не прошествовала к своим местам в зрительном зале.

– Не переживай. У тебя ещё осталась я, – поддержала я его в трудную минуту, но он не оценил.

– Она не дала мне даже шанса... – скис он.

– Зато она выбрала козла, который в её вкусе. Идём. Сейчас всё начнётся.

– Если Данута хочет, чтобы я был козлом, то я буду козлом! – заявил друг, и сумасшедший огонёк в его глазах мне

сильно не понравился.

Как я и ожидала, бить морды Аристарх не пошёл. Чинно сел на четвёртый ряд с краю, специально выбрал место, где я не смогу подсесть к нему.

Что ж, да начнётся цирк!

Первым на сцену вышел почётный гость Владимир Зарницын, сопровождаемый несмолкающими аплодисментами. Не похоже, чтобы люди хлопали из-под палки.

– Сегодня я прочту свежее стихотворение, родившееся благодаря моей музе:

Я твой змей-искуситель.

Я твой ангел-хранитель

Я твоё наважденье в ночи.

Я экстаз, исступленье,

И я райское пенье,

Раскалённые угли в печи...

Он с чувством, с толком, с расстановкой прочёл наизусть три своих творения, и после каждого зал взрывался овациями, хотя, будем честны: до бессмертных классиков ему, как младенцу до доктора наук. То есть вполне возможно, но впереди поле непаханое.

Следующим шёл закадычный друг Зарницына Владлен Голосадов. Этот и вовсе поднялся на сцену с гитарой и объявил, что, так как он в творческом кризисе, просто споёт нам парочку шлягеров бардовской песни.

И спел.

Зрители снова хлопали так, будто это не сборище поэтов местечкового уровня, а по меньшей мере премия «Книга века».

Пожалуй, в зале было только три человека, которые берегли ладони: я, мой несчастный друг и Данута.

Аристарх Душнявский выступил под номером шесть.

Всё же мало-мальской известности он добился, потому что его выход зал встретил горбовой тишиной. Ой, простите, гробовой. Но мне можно так шутить. Я же горбунья.

И началось:

– Добрый вечер, дамы и господа. Сегодня я прочту свои кардинально новые стихи.

И начал:

Вскормленный на козьем молоке,

Я мамкиных грудей совсем не знал.

Мне ближе к сердцу злой животный мир

И мировоззрение козла.

Вот это точно! Мировоззрение у тебя, дружок, козлиное. И не поспоришь.

Неужели этот опус рождён, чтобы покорить сердце мадам Шёлкиной? Увы, бесполезно. Она уже нашла себе Ипатия.

Хлопала нашему непризнанному гению только я. Или погодите... «Хлоп-хлоп-хлоп» прозвучало от спутника Дануты. Могу ошибаться, но, кажется, хлопки были издевательскими.

На следующее стихотворение Аристарха снова вдохнови-

ла явно я:

*Хотел ласкать прямой твой стан,
Ладони греть на тонкой талии,
Но не судьба быть вместе нам,
Ведь не такая ты в реалии.
Видать, за очень тяжкий грех
Тебя горбом жизнь наградила,
Чтоб не познала ты утех,
Чужих сердец не покорила.
Старайся вовсе не мечтать
О жизни яркой и счастливой
Не повезло тебе опять
Родиться умной и красивой.
Но ты не плачь и не ропщи!
Призвание ты своё ищи.
Будь не любимой женою,
А поваром вари борщи.
И только мне ты будешь сниться
Красоткой в пламенной ночи.
От этих снов рискую спиться.
Спасите разум мой, врачи!*

Ох ты ж козлина драная!!! Да как ты посмел?! Дерите тебя семеро, не видать тебе больше моих борщей!

К счастью, после краткого мига негодования я пришла к осознанию, что на дураков не злятся. И меня отпустило.

Дальше прозвучало четверостишие:

Кошка навалила

Прямо на ковёр.

И кошачьей шкуркой

Я ковёр подтёр.

Какая экспрессия! Какие эмоции! И козлиная натура, как и обещал Аристарх, проходит лейтмотивом через всю подборку стихов.

Жаль, зал не оценил. Кто-то даже громко зафукал и возмущался, крикнув: «Уходи со сцены, живоде́р!»

Что ж, в жизни непризнанного и всеми гонимого поэта бывает и такое.

Тем временем Аристарх собрал волю в кулак и продолжил:

– Случается так, что мы безответно любим одних, а другие одним своим существованием мешают нам быть счастливыми. Следующее стихотворение о любви и боли. Кхм-гм...

Я вслушалась и обомлела...

Твой горб не исправит даже могила.

Даже могила тебе не соvrёт,

Что на том свете ты будешь красивой.

Кто грязью родился, тот точно не мёд.

Когда превратишься в кусочки ты ила,

Что оседает на днище морском, –

Даже тогда ты не станешь красивой.

Пена морская тебя не спасёт.

*На томных красавиц с завистью глядя,
Ты покрываешься плесенью чёрной.
Взглядом косым проклиная и гадя,
Ты остаёшься такой же никчёмной.
Горькую участь быть твоим другом
Принял я стойко. Несу этот крест.
Мимо меня по широкому кругу
Проносятся толпы цветущих невест.
А я всё один, и моё ты проклятье,
Словно проказа, сжираешь меня.
Ты мой кошмар что нагая, что в платье.
Видеть тебя — как отведать ремня.*

Н-ну, гад! Этого я точно тебе не прощу! Не видать тебе больше моих пирожков! А мне, пожалуй, пора устроить свой драматический исход. Что называется: «Она какетливо пёрнула плечиком и впала в просрацию».

Вот я и свалила, тяжёлой поступью топая по паркету. Стук моих шагов был Аристарху вместо аплодисментов.

Глава 12. Гости

Перед сном в субботу я целенаправленно тосковала по Дену (ну, или Гедену). Посылала ему эмоциональные импульсы, мол, на кого ты меня оставил?

Вечером наревелась, а с утра принялась как заведённая печь пирожки в промышленных масштабах. Хотя на базаре продавай, ей-богу! Увы, моя стряпня до базара не доживёт, будет зверски изничтожена ещё до прибытия к месту назначения. Проверено.

В это воскресное утро так и случилось: сначала маман соскучилась по мне (по курникам), а к обеду подтянулись голодные рты в количестве две штуки: Аристарх и Михалогей.

– Да вы издеваетесь! – «радостно» встретила я их.

Аристарх повёл носом:

– Я знаю, что ты нас ждала!

– Нет!

– Да брось, – мой так называемый друг был как-то чересчур бодр, и это после вчерашнего провала на поэтическом вечере. Будто это не ему Данута вчера предпочла другого. – Что ты как маленькая? Мы же всего лишь играли. Ты свою роль, а я свою.

– А, то есть ты не помышляешь о смерти после того, как Данута нашла себе нового хахаля?

– Это тоже была игра – игра на эмоциях! Как, ты думаешь, музы помогают поэтам творить? Они создают накал страстей! Данута в этом деле мастер.

Миха, не понимающий, о чём мы, пропел: «Что наша жи-и-изнь? И-и-игр-ра-а-а!»

– Ну, Жупочка, ты разве не помнишь, как мы с ней перелаздили? Она флиртовала со мной!

– Не помню, – я всерьёз усомнилась в адекватности Аристарха.

– У тебя память, как у хлебушка, – припечатал он.

Усё. Приплыли. Олигофрения не лечится.

«Память... – моё сознание зацепилось за это слово. – Память... Что же я забыла? Ах, да, утяжку с корректором осанки!»

Ден ведь просил продолжать терапию. А я что? Не могу же я разочаровать его... Ой, да причём тут он! Я же для себя это делаю.

С этими мыслями я благополучно ретировалась в спальню. Мне предстояло мучительно влезть в тунику, забыв о намерении облопаться вусмерть.

Эх, не судьба!

Однако в зеркале меня ждал тот ещё шок:

– Оу... Погляди, Вторая, какая у меня талия!

«Да, не соврал маг, что будет тебя лечить... – согласилась сестра. – Жаль, свалил наш язвенник-трезвенник и муравьенна-на-вистник».

– Думаешь, не вернётся? – спросила я у своего отражения.
«А ты пожелай, чтобы вернулся».

– Точно! – я шлёпнула себя по лбу ладонью. – Итак... Я хочу, чтобы Ден вернулся ко мне!

И – ничего. Никакого голубого облачка. Что не так-то? Я по глупости израсходовала свой лимит желаний? Или в отсутствие Дена магия мне не поддаётся?

«Пожелай чего-нибудь другого. Проверь», – посоветовала Вторая.

Я и ляпнула первую пришедшую на ум очевидность:

– Я хочу... Чтобы шланг у Михи встал и не падал целый час!

«Фьюить!» – просвистело мимо меня облачко, а я поскакала вниз проверять.

Только почему первое-то желание не сработало? Оно, что, невозможное?

Уже топая по последним ступенькам, я услышала возню и натужное пыхтение.

Что там?

Выглядываю из-за угла... Теперь ясно, почему первое желание не сработало – оно уже сбылось!

– Ой, Ден, а что ты здесь... – слово «делаешь» так и не слетело с моих губ, потому что и так было ясно. Мой белокурый принц держал побитого Миху за шкуру, а тот постанывал, одной рукой пытаясь прикрыть неприкрываемое – вздыбившиеся внушительным колом брюки. Ден, оскорблённый Ми-

хиной боеготовностью, замахнулся для очередного удара. – Нет, нет, Ден, стой! Не бей его! Это всё я! Это из-за меня он... – божечки, что я несу на свою голову! Как двусмысленно прозвучало!

Ден, пыльный и растрёпанный с дороги, замер.

– Жу, это кто вообще? Почему, стоило мне уехать, в твоём доме мужики?

– А это Аристарх привёл ко мне своего друга знакомиться... – проямлила я.

Мой прекрасный принц потрянул Миху, и тот ляпнул:

– Мы с Жупочкой уже знакомы! В прошлый раз был славный кутёж!

Твою ж кудрить-раскудрить... Лучше б ты молчал!

Ден благополучно выставил Миху за порог, Аристарх сам выплелся следом.

Из Михиногo дырявогo кармана выпала свёрнутая в трубочку бумажулька. Я подняла её и прочитала: «Я уроню тебя на пАдушки зацалую и залюблю!»

А наш половой гигант романтик! Вон, какие страсти! Стоп. Кому это он написал сие послание? Уж не мне ли?

Ден вернулся злощий, весь какой-то резкий и опасный.

– Жу, я только уехал, а ты, смотрю, времени даром не тратишь.

– Я никого не звала. Они сами припёрлись на пироги, – виновато вздохнула я.

– Кем тебе приходится этот оборванец? – спросил строго,

как за двойку у школьницы.

– Никем. Второй раз его сегодня увидела. Аристарх при-
тащил его в надежде сосватать за меня.

– То есть я примчался из столицы, чтобы посмотреть на
твоего будущего жениха? Ясно... – он развернул туловище к
выходу.

– Миха-то? Жених? Да упаси Гова!

– Тогда почему ты сказала, что эрекция у него из-за тебя?

– Я п

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.